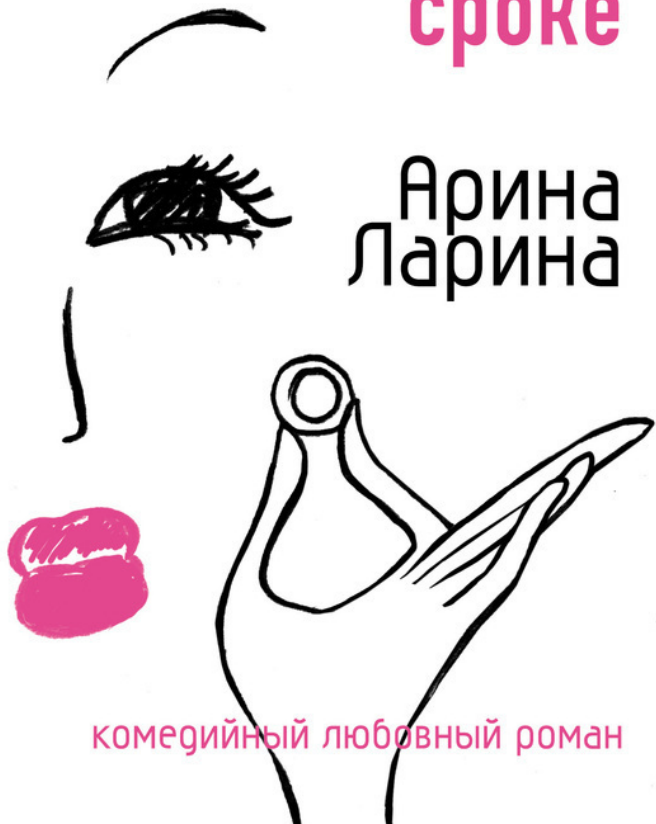

Молодая жена на испытательном сроке

Арина
Ларина

комедийный любовный роман

Арина Ларина

Молодая жена на испытательном сроке

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161338

Ларина А. Молодая жена на испытательном сроке: Эксмо; Москва;

2007

ISBN 5-699-18287-9

Аннотация

Беременная девушка Юлька счастливо вышла замуж за состоятельного бизнесмена Сергея. Отец будущего ребенка – не он, но это его совершенно не смущает. Жизнь готова улыбаться молодой жене во все тридцать два зуба. И вдруг – бац! Юлька случайно обнаруживает в мобильнике мужа sms интимного содержания, а в его портмоне – фото накрашенной нимфетки! Вот и верь после этого людям... А ведь сомнений не было: муж ее искренне любит. Когда в бельевом шкафу супруги Сергей нашел портрет смазливового мачо, стало понятно: пора собирать вещички и тихо уползать к маме. Только вот проблема в том, что никаких, даже самых заваливающих поклонников у Юльки и в помине не было...

Книга также издавалась под названием «Квадратное колесо фортуны».

Содержание

Арина Ларина

4

Конец ознакомительного фрагмента.

90

Арина Ларина

Молодая жена на испытательном сроке

За окном кружился мягкий пушистый снег. Казалось, он должен быть теплым и сладковатым на вкус, как хлопья сахарной ваты. Но это была иллюзия. Юлька понимала, что стоит только дотронуться до слипшихся снежинок, как они растают на глазах, оставив одно лишь воспоминание о высокохудожественном творчестве Деда Мороза, сидевшего где-то там в облаках и старательно вырезавшего всю эту ювелирную «снежиночную» красоту. Мучительно хотелось чего-то красивого и сказочного, но настроение строптиво падало и тоскливо лежало под ногами сморщенной половой тряпкой, вместо того, чтобы парить в небесах белым лебедем, как положено. Мысли молотком стучали по макушке, вбивая Юльку, словно гвоздик, в вязкую депрессию.

Она стояла у окна, уткнувшись лбом в ледяное стекло, и старалась ни о чем не думать. Подоконник неприятно холодил руки, шевелиться было лень. Внизу маленькая пухлая бабулька тащила к помойке осыпающуюся елку. На полуголых ветках еще поблескивали остатки серебряного дождика, несчастное деревце свое отслужило, ведь новогодний праздник уже закончился. Неумолимо надвигались будни. Ото-

гнать навязчивые мысли не удавалось. Они липли, словно мухи к варенью, разлитому на кухонном столе.

Через восемь дней, считая этот понедельник, она станет женой. Жизнь в очередной раз вывернулась наизнанку, подвесив несчастную Юльку между радостью и отчаянием. Пару месяцев назад мужчина, которого неискушенная девушка считала самым-самым, возмутительнейшим образом променял ее на другую, оставив после себя лишь горькое разочарование и пятинедельную беременность. Предновогодние месяцы закрутили Юльку в вихре событий, как ураган девочку Элли из Канзаса, и шмякнули ее обратно на грешную землю, оставив беременность и снабдив для равновесия новым женихом.

Когда она была маленькой, сосед по даче, вечно чумазый Шурик, в один из жарких дней самым зверским образом решил над ней подшутить, вылив на дремавшую на солнышке Юльку ведро холодной воды. Она тогда долго с воем носилась за хулиганом, ломая смородиновые кусты и дрожа от пережитого ужаса. После встречи с Сергеем внутреннее состояние Юльки было равноценно тому, что она пережила тем давним летним днем. Более того, ей казалось, что ее не просто облили ледяной водой, но и треснули ведром по голове для закрепления эффекта. Юлькина проблема была в том, что она никогда не влюблялась, поэтому оценить результат встречи с Сергеем потрясенная девушка смогла не сразу. Это была не просто любовь, это было что-то сродни помешатель-

ству. Слово «любовь» казалось коротеньким и банальным рядом с тем чувством, в котором купалась и тонула Юлька. Так хотелось, чтобы жизнь наконец-то стала простой и понятной, чтобы реальность поделилась на черное и белое, как костюм жениха и платье невесты... А все оказалось сумбурным и зыбким: и мысли, и планы, и даже само счастье. Судьба, как пьяный художник, сдвинув набекрень бархатный берет, прошлась малярной кистью по палитре и все перемешала. Вместо шедевра на мольберте оказалось непонятное пятно с претензией на воплощение счастья. Свадьба... Разве не об этом она мечтала? И да, и нет. Свадьба состоится, но не будет гостей, белого платья, хрустальных бокалов и машины с шариками. Зато появится жирный штамп в паспорте, подтверждающий все права на любимого. Так захотел Сергей, а она не отважилась спорить. Пусть все будет, как ему хочется. Какая разница? Главное, быть рядом, слышать его голос, чувствовать на себе его взгляд... Аутотренинг не помогал. Разница была, несмотря на все попытки доказать себе, что конфетно-сладкий праздник лишь мишура. Вот хотелось ей этой мишуры, хоть ты тресни! Хотелось шагать по прямой дороге к манящей и волнующей линии горизонта, а вместо этого приходилось скакать трусливым зайцем по придорожным кустам: вроде и движешься к светлому будущему, а в то же время как-то несолидно получается, не возвышенно. Юлька обожала Сергея, она готова была стелиться впереди него красной ковровой дорожкой для почетных гостей, ле-

тать по кухне, готовя то, что он любит, и даже гладить шнуры, если возлюбленный того пожелает. Ей казалось, что судьба ошиблась: невыспавшийся Амур случайно подстрелил педантичного и серьезного владельца небольшого бизнес-центра и бросил его к ногам худенькой, большеглазой и крайне несчастливой в личной жизни девчонки. Весы фортуны ходили ходуном, как качели: подкинув бедную Юльку к небесам, они тут же со свистом полетели вниз, заставив ее сжаться от ужаса.

Юлька наотрез отказалась переезжать к Сергею до свадьбы. Жених отнесся к ее упорству с пониманием, подумав, что маме это, безусловно, понравится. Тамара Антоновна давно отчаялась женить лысеющего сына, тихо кисшего на работе и не озабоченного устройством личной жизни. Она уже дозрела до той стадии, когда любая невестка принимается на «ура». Тем не менее рисковать Сергей не хотел: конфронтация молодой жены и свекрови способна разрушить даже самый крепкий брак и основательно расшатать нервную систему не только противоборствующих сторон, но и нейтрального супруга.

Сергей знал о Юлькиной беременности, поэтому торопился со свадьбой. Он считал, что это только их дело, чьего ребенка носит его жена. Получив исчерпывающую информацию о биологическом отце малыша, он успокоился и перестал терзаться сомнениями на тему возможного появления

в их жизни еще одного папаша. Сергей решил, что если этот хлыщ попробует вмешаться в их жизнь, то он лично сотрет его в порошок.

Он, как и Юлька, был счастлив. Но в отличие от щепетильной невесты факт беременности его не особо волновал. Сергей вообще практически не задумывался о грядущем отцовстве. Мельком оценив свое материальное положение на ближайшие десятилетия, он сделал вывод, что способен дать ребенку нормальное образование и вывести в люди. Поскольку сам он рос без отца, роль мужчины в семье будущий муж представлял себе очень приблизительно. Он был готов любить Юлькиного ребенка. Под словом «любить» Сергей подразумевал совместное проживание, воскресные семейные прогулки, материальное обеспечение всех малышковых потребностей и вечерние игры в шахматы с подростком отпрыском. Моральные моменты его тоже не терзали. Желания во что бы то ни стало завести собственного сына, как говорится, плоть от плоти, он в себе не чувствовал. К будущим тяготам семейного быта Сергей относился философски, делая ставку на Юлькину покладистость и свой хороший характер. То, что первый год с ребенком – сущий ад, он не верил, поскольку окружающие заводили в квартирах не только детей, но и змей, медведей и даже крокодилов. Он совершенно логично рассудил, что вряд ли ребенок окажется страшнее крокодила или опаснее гремучей змеи. Сергею было проще: жить с чистой совестью легко и приятно. А Юль-

ка тем временем находилась на пике моральных переживаний. Выходить замуж беременной было ужасно. Она ощущала себя героиней пошлого водевиля, коварной преступницей, хитростью заманившей в свои сети хорошего человека.

На осторожный Юлькин вопрос, как быть с его мамой, Сергей невразумительно пожал плечами и ответил, что с мамой надо как минимум познакомиться.

– Ты же прекрасно понимаешь, о чем я! – в отчаянии проворчала Юлька.

Сергей, безусловно, понимал, о чем речь. Он считал, что маме, как и всем остальным, совершенно незачем знать, что ребенок не его, а патологически честная Юлька продолжала мучиться и всячески уклонялась от знакомства с будущей родственницей, периодически раздражая Сергея своими робкими попытками перетянуть его на свою сторону. Начинать жизнь с вранья Юлька не хотела.

До свадьбы оставалась неделя, Тамара Антоновна изнемогала от любопытства и изводила Сергея наводящими вопросами. Дальше тянуть было нельзя, пора было знакомить невестку со свекровью, тем более, что жених уже был представлен Юлькиным родителям. Галина Даниловна, Юлькина мама, изо всех сил старалась понравиться будущему зятю. Она была уверена, что «старый холостяк», которому через пару лет исполнится сорок лет, имеет весьма искаженное представление о тещах, основанное лишь на содержании анекдотов и рассказах неудачно женившихся друзей.

Имея на руках так некстати забеременевшую дочь, Галина Даниловна изо всех сил пыталась наладить контакт и с трепетом ждала официального предложения. К концу вечера, когда нарезавшийся до кондиции отец семейства начал тихо сползать под стол, Сергей интеллигентно завершил встречу, кратко сообщив будущей теще, что они с Юлей решили пожениться.

– Конечно-конечно, мы с отцом рады! – с облегчением выдохнула Галина Даниловна и пнула всхрапнувшего мужа.

– Наливай, – промычал супруг.

– Это он на радостях, – виновато пояснила Галина Даниловна. – Обычно он не пьет, у Юленьки хорошая наследственность, вы не беспокойтесь.

На этот счет Сергей абсолютно не беспокоился. Весь вечер он тяготился мыслью, как попросить у родителей Юлькиной руки. Будучи логиком, он отмел варианты, предполагавшие дискуссию на эту тему, и выбрал единственный, на его взгляд, стоящий: не просить руки, а сообщить, что он ее уже получил. В конце концов, все присутствующие в курсе цели собрания, поэтому он лишь констатировал факт:

– Мы подали заявление в загс. Свадьба через две недели.

И вот настала Юлькина очередь знакомиться со свекровью. Судя по тому, что рассказывал Сергей, Тамара Антоновна была ангелом во плоти и перемещалась по квартире, хлопая белыми крыльями. Ближайшая Юлькина подруга

Аня уже имела счастье побывать замужем. Если бы не мать ее второго мужа, то, возможно, жизнь любимой подружки сложилась бы иначе. В памяти счастливой невесты всплывали смутные воспоминания об Анькиных рассказах про «маму» и расплывчатым злобным привидением колыхался образ самой Марии Сергеевны, пару раз встреченной Юлькой живьем. Она холодела и тряслась, пытаясь убедить себя, что Сергей ее в обиду не даст.

– Не знаю, не знаю, – вводил ее в ступор неуверенный Анькин голос, сурово гундосивший в телефонную трубку. Подруга простудилась, и только переживания по поводу того, что микробы могут перепрыгнуть на беременную Юльку, удерживали Анну от очной встречи с проведением наглядного инструктажа. – Мужики обычно становятся невменяемыми, когда дело касается их мам. Ты особо-то на него не рассчитывай, отбивайся сама.

Юлька не готова была отбиваться. Ей страстно хотелось понравиться неведомой Тамаре Антоновне, но, имея беременность в анамнезе, это было сложно.

– Ты не вздумай пузом размахивать! – предостерегла ее Анька, поймав исходившие от Юльки флюиды. – Ее это не касается!

– Я же врать не умею! – ныла Юлька.

– А кто просит врать? Что, сложно просто промолчать, когда не спрашивают?

– А если спросят?

– Конечно, спросят! – раскипятилась Анька. – Как только войдешь, так она сразу с порога к тебе: а не беременна ли ты, часом, невестушка? А не от Костика ли ты носишь?

– Дура! – обиделась Юлька.

– Сама дура! – не сдавалась Аня. – А Сергей тоже считает, что маме надо все рассказать?

– Нет, – с неохотой призналась Юлька.

– А что сказала твоя маман?

– Вы все сговорились! – возмутилась Юлька. – Меня окружают беспринципные вруны!

– Если тебе кажется, что весь мир сошел с ума, а ты одна нормальная, сходи к психиатру, он тебя переубедит! – гоготнула Анька и издала победный клич слона.

Юлька шарахнулась от трубки, повращала глазами, пытается восстановить слух в пострадавшем ухе, качнула головой и осторожно спросила:

– Что это было?

– Сопли, – коротко пояснила Анька. – Сморкаюсь я, уж извините. А еще чихаю и кашляю, так что не пугайся. Будь мужественной, дитя мое!

Анька отсоединилась, а Юлька еще некоторое время соображала, к чему относилась ее последняя фраза: к визиту в логово свекрови или к последующему общению с простуженной подругой.

Галина Даниловна сидела на кровати в окружении вороха

тряпок и напряженно смотрела на угрюмую дочь.

– Нечего надеть, – печально констатировала Юлька, сердито плюхнувшись рядом.

– Мне это надоело! У тебя невероятно испортился характер, – проворчала мама. – Если все это надеть нельзя, то давай выбросим.

– Не придирайся к словам! У меня нет подходящего костюма для знакомства со свекровью, а не для похода в приличное место! – возмутилась Юлька, в последней надежде перекапывая юбки и блузки, в беспорядке валявшиеся во круг.

– Тебе нужен специальный маскарадный прикид? – ехидно поинтересовалась мама. – Может, костюм Бэтмена? Старушка будет в восторге. Можешь быть уверена, после твоего визита остаток дней она проведет в психиатрической лечебнице, а возможно, сразу переедет на кладбище, чтобы не мешать вашему счастью.

Мама сурово выдернула из-под молчаливой Юльки бархатную юбочку и, тщательно расправив ее, с недоумением спросила:

– Чем тебе это не подходит?

– К ней блузки нет, – односложно ответила надувшаяся дочь. Предложение нарядиться Бэтменом она расценила как намек на наличие трофейных рожек после битвы с предателем Костиком.

– А беленькая? – удивилась мама.

– Я же не на пионерский костер собираюсь, – мотнула головой невеста.

– Да уж, – съязвила мама. – Для пионерки ты старовата. Даже для комсомолки возраст уже не тот. Ты на сегодняшний день должна быть либо в партии, либо в полете.

– Mam, твои намеки неуместны. Про возраст я помню. Не пытайся меня оскорбить, не получится.

– Как тебе не стыдно! – всплеснула руками Галина Даниловна. – Я просто хочу привести тебя в чувство. Относись к ситуации проще.

– Я не могу проще. У меня судьба решается! – Юлька готова была впасть в истерику.

– Да послушай ты меня хоть раз в жизни, – с драматическим надрывом произнесла Галина Даниловна. – Его матери столько лет, что девица в пионерской форме ей непременно понравится!

– Его мать не намного старше тебя, лет на десять! – отомстила Юлька, с деланным равнодушием разглядывая голубой топик размером с носок новорожденного.

– Этот нельзя, – категорично заявила мама, пропустив мимо ушей оскорбительный намек на возраст. – Он меньше лифчика, ты будешь полуголой.

– Он тянется, – грустно сказала Юлька.

– А потом опять съезживается, это неприлично. Будущая свекровь тебя не поймет!

– Поймет, не поймет, – пробормотала Юлька. – Можно

подумать, это она на мне женится!

– Так и есть! Старым холостякам жен выбирают матери. Именно поэтому многие из них так и умирают одинокими. – Мама выдернула из Юлькиных рук топ и положила его в шкаф с таким выражением лица, словно приговаривала несчастную одежду к пожизненному заточению.

– Он не старый, – решила поперекаться упрямая Юлька.

– Но, надеюсь, все-таки холостяк? – хмыкнула мама. – Хотя, если тебе охота спорить, пожалуйста. Я вообще могу уйти, ковыряйся тут сама.

Сама Юлька не хотела. Ей нужен был виноватый на тот случай, если переговоры на вражеской территории пройдут неудачно. Тогда все можно будет свалить на неправильно выбранную одежду.

В результате долгих препирательств она выбрала обычную белую блузку и ту самую бархатную юбочку, которую откопала мама.

– М-да, ну и где алый галстук? – скептически оглядела она в зеркале свое отражение.

– А значок тебе не нужен? – поинтересовалась Галина Даниловна, с удовлетворением оглядев дочь.

Сергею невеста тоже понравилась.

– То, что надо, – порадовал он Юльку. – Мама будет в восторге. Ты в ее вкусе.

Юлька ехала на смотрины с четким ощущением, что замуж она выходит все-таки за Тамару Антоновну.

Квартира Сергея потрясла неискушенную Юльку великолепием и облизанностью евростандартовского ремонта. При входе в хоромы возникла небольшая заминка, поскольку невеста смалодушничила и попыталась спрятаться за спину жениха, который в свою очередь галантно пропускал ее вперед. Юлька вцепилась в косяки так, что побелели пальцы, но, наткнувшись на недоуменный взгляд Сергея, с независимым видом уставилась на потолок и решительно шагнула навстречу опасности.

«Опасность» исходила от маленькой пожилой женщины, стоявшей посреди ярко освещенного коридора в темно-вишневом вязаном платье, украшенном белым кружевным воротничком. Она, сцепив худые руки, преданно смотрела на Юльку внимательными серыми глазами.

– Моя мама – Тамара Антоновна, – гордо провозгласил Сергей, вытряхивая Юльку из пальто. – Мамуля, знакомься – это Юля.

Юлька затопталась у вешалки, чувствуя себя без пальто абсолютно голый. Мамуля радостно улыбнулась и взмахнула руками:

– Очень, очень приятно познакомиться. Сережа много о вас рассказывал.

Юлька в ужасе смотрела на грязную лужу, вытекавшую из-под ее сапог. Сменную обувь она взять забыла.

– Сережа, что ты встал? Предложи Юленьке тапочки, –

засуетилась мама.

– Я все уберу, – убитым голосом проблеяла невеста.

– Вы с ума сошли, деточка! – ахнула Тамара Антоновна и посеменила в глубь квартиры за шваброй. Последующие несколько минут прошли в веселом перетягивании швабры. Победила Юлька. Будущая свекровь не сдала позиций, сделав несколько умопомрачительных прыжков вслед за активно вытиравшей пол невесткой. Знакомство состоялось. Неприятное напряжение было сглажено совместной уборкой и комизмом ситуации. Сергей, привыкший к Юлькиной неординарности и потрясающей способности рядовое событие превратить в форс-мажор с непредсказуемыми последствиями, был постоянно начеку. Отсутствие поломанной мебели и бытовых травм в процессе первых минут встречи его чрезвычайно порадовало.

Тамара Антоновна с материнской нежностью разглядывала худенькую Юльку, гулявшую по квартире в скромном наряде престарелой пионерки.

– Я так рада, что вы не похожи на современных девиц, – пробормотала она, когда будущая невестка, не выдержав пристального взгляда будущей свекрови, вопросительно уставилась на нее, оторвавшись от созерцания живописи, обильно украшавшей стены гостиной. – Вы не такая, как эти вертихвостки на улице.

Тамара Антоновна откровенно подлизывалась, но Юлька, с самого начала встречи чувствовавшая себя хитро замас-

кированной мышеловкой, трактовала все комплименты не в свою пользу.

«Понятно, – с неприязнью подумала она, растянув губы в вежливой улыбке. – Намекает, что я не современная и плохо одетая простушка. Знала бы она, что я еще, плюс ко всему, и не девица вовсе...»

Тамара Антоновна была счастлива. Девочка оказалась скромной, милой и приятной внешне. При всем своем нечеловеческом желании устроить судьбу сына и принять любой его выбор, она все же слегка опасалась, что неопытный в любовных делах Сереженька может быть обманут какой-нибудь алчной и непорядочной девицей. Ее ближайшая подруга, Елизавета Львовна, мать лучшего Сережиного друга, услышав о грядущей свадьбе, инструктировала бедную женщину каждый день, сдабривая свои страшные рассказы ужасающими примерами из жизни знакомых, малознакомых и вовсе незнакомых людей. Сама Елизавета Львовна, сурово охранявшая сына от дамских посягательств и разгонявшая нежелательных невест, как дворник пожелтевшую листву, недавно стала жертвой собственной разборчивости. Перед самым Новым годом Тамара Антоновна впервые была приглашена на смотрины, поскольку Вадим, сын Елизаветы Львовны, был настроен самым решительным образом: женюсь, и все тут! Тамара Антоновна долго не могла прийти в себя после того страшного вечера. Вадик привел в дом чудовищно вуль-

гарную, невоспитанную девицу, обвешанную возмутительно дорогими украшениями и напившуюся за недолгое время пребывания в квартире до свинского состояния. Самым диким в создавшейся ситуации было то, что Вадик смотрел на невесту с обожанием, а Лизочка, глядя в окно на застывшую в сугробе головой гостью, прошептала:

– А вот это не такой уж плохой вариант. Надо с ней только немного поработать.

Когда Сергей неожиданно сообщил матери, что у него тоже есть невеста, Тамара Антоновна, находясь под впечатлением недавних смотрин у Лизы, испытала смешанное чувство ужаса и счастья. Если решительная и властная Лиза могла «поработать» с невесткой, то интеллигентной и мягкой по характеру Тамаре Антоновне это было не по силам.

Томочка выросла в семье инженера и учительницы русского языка. Из родственников она знала лишь дядю, папиного брата. Женился он поздно, жил где-то в Средней Азии в военном городке, приезжал к ним только однажды по каким-то служебным делам. Он был большим, шумным, показывал фото своей семьи и рассказывал веселые истории. Так Томочка узнала, что где-то далеко у нее есть двоюродная сестра. Родных братьев и сестер у нее не было. Родители любили друг друга еще со школы, отец прошел всю войну и один из немногих вернулся живым и невредимым. Папа с мамой жили душа в душу, девочка росла в любви и ласке, не слыша скандалов, не зная семейных ссор и размолвок. К во-

семнадцатью годам ее жизненный опыт приравнялся к опыту пятилетнего ребенка. Ее родители не воровали, не брали взятки, которых им никто и не давал, не пили и не дрались. Томочка была открытой и общительной, но ребята откровенно посмеивались над ее наивностью. Многие ее одноклассники жили в неполных семьях: у кого-то отцы не вернулись с Великой Отечественной, у кого-то умерли от ран уже в мирное время, кто-то тихо спивался, а кто-то спивался так, что на крики избиваемых домочадцев вызывали милицию. Работавшие из последних сил строители социализма не уделяли своим детям достаточно времени, поэтому Томочкины ровесники рано выросли, начинали курить, выпивать, а некоторые девушки даже знали, где делают подпольные аборты.

Самой близкой ее подругой стала Лиза. Они жили в одном доме, на одной лестничной площадке, но тесно никогда не общались. Их дружба, длившаяся больше полувека, началась морозным зимним вечером, когда Тамара возвращалась из библиотеки. Сколько она себя помнила, мама всегда запрещала ей ходить вечером через парк. А Томочка ходила, потому что так было ближе и можно было прокатиться пару раз на горке, тем более что за все годы никогда ничего не случилось. Именно в этот вечер дороги девушки и недавно освободившегося уголовника пересеклись.

Уголовник брел по сумеречной аллее, кутаясь в дырявую телогрейку. Он выбирал малолюдные места, боясь попасть на глаза патрулю. Выглядел он крайне подозрительно,

а справка об освобождении была не лучшим документом для предъявления милиции. В те годы отношение к тунеядцам было суровым, карались они безжалостно, а бывший зэк все никак не мог устроиться на работу. Есть было нечего, жить негде, и вернуться к нормальной жизни не представлялось возможным. К тому же в этот морозный вечер невероятно хотелось выпить. Он не был алкоголиком, ему просто нужно было немного согреться. Да и съесть что-нибудь, чтобы успокоить сходящий с ума желудок, тоже было бы неплохо.

Девчонка с толстой, набитой чем-то тяжелым сумкой неуверенно семенила ногами по скользкой дороге. В сумерках уголовник не разглядел ее лица, да и незачем было на нее смотреть. Он молча рванул на себя сумку, страшно взглянув ей прямо в глаза. Он умел смотреть так, что даже бывалые зэки отступали под этим змеиным взглядом.

Томочка, впервые столкнувшись с темной стороной жизни, даже не смогла толком испугаться. Она тут же закричала, помня, что в случае нападения надо кричать как можно громче, и тогда обязательно приедет милиция. Бывший зэк, привыкший, что жертвы, парализованные ужасом, не сопротивляются, не ожидал, что малолетняя дуреха завоюет на весь микрорайон. Коротко замахнувшись, он ударил ее в грудь. Томочка упала навзничь, выпустив из рук сумку. Почувствовав, что добыча перекочевала в его руки, мужик понесся прочь, грохоча сапогами по льду.

Тамара смотрела на темное небо, на котором не было ни

луны, ни звезд. Только размытые черные силуэты туч медленно плыли над ней, да ледяной ветер равнодушно заносил ее колким снегом. Девушка попыталась подняться и застонала от тягучей боли. Видимо, какое-то время она была без сознания, потому что руки и ноги заledenели настолько, что наотрез отказывались повиноваться хозяйке. Единственное, на что соглашалось окоченевшее тело, перекатываться. Через несколько минут невероятных усилий она уткнулась в сугроб и поняла, что катилась не в ту сторону. У нее не было сил вернуться на середину дороги. Девушка прикрыла глаза и замерла, судорожно пытаясь найти выход из этого кошмара. Она уже начала засыпать от холода, когда вдалеке послышались невнятные голоса. Это была пара. Полная низенькая женщина, кокетливо хихикая, висла на руке высокого плотного мужчины. Он развлекал спутницу героическими фронтовыми рассказами. Заметив темное скрюченное тело, они, не сговариваясь, молча быстро прошли мимо и почти бегом скрылись в темноте. Томочка даже не смогла позвать на помощь: губы не шевелились, а из горла раздалось лишь невнятное шипение. Еще несколько раз вспыхивала и в тупом отчаянии гасла надежда на спасение. Женщина с авоськой торопливо прошла мимо, что-то нечленораздельно и зло пробормотав в сторону заматаемого снегом силуэта. Еще для одной пары она стала наглядным пособием и поводом для дискуссии на тему пьянства. Правда, красноносый мужик из солидарности предложил дотащить «алкашку» до отделения

милиции, но жена, визгливо ругаясь, поволокла его дальше. Томочка в оцепенении лежала под ночным небом и прощалась с жизнью. Слез не было. Только недоумение, осознание людской черствости и потрясение от столкновения с реальной жизнью заставляли мозг функционировать. Она не верила в бога. Церквей в те годы почти не было, молиться было стыдно, а сам бог был заблуждением темных, доживающих свой век старух. Томочка вспомнила бабушку, истово молившуюся по вечерам перед маленькой иконкой и заботливо прятавшую ее в шкафу.

«Господь всегда поможет, господь всемогущ, он не в церкви, он в сердце», – сурово говорила бабуля и заставляла Томочку целовать край иконы. Рассказывать об этом родителям было строго-настрого запрещено. Маленькая Тамара повторяла за бабушкой непонятные слова и крестилась. Все это было очень-очень давно, бабушка умерла, а слова молитв стерлись из памяти.

Девушка посмотрела в черное мертвое небо и подумала, что, если где-то там есть бог, он должен помочь, потому что бабуля говорила, что он велик и справедлив, а то, что произошло сегодня с ней, несправедливо.

«Господи, помоги», – повторяла Томочка про себя. Апатия прошла, горло сдавил спазм, и по виску потекли горячие слезы.

– Э, ты кто? Ты чего тут? – Над лежавшей появилось знакомое лицо. Кто это, Томочка вспомнить не могла, только

молила взглядом не бросать. Губ она уже не чувствовала.

Это оказалась Лиза. Дочь запойной тети Кати, безотцовщина, «не пара», как говорила мама. Лиза вечно ходила в чужих обносках, плохо питалась и для своих четырнадцати лет выглядела как третьекласска.

Каким образом хрупкая слабенькая девочка дотащила Тамару до людного места, Лиза и сама потом не могла вспомнить. Просто тащила, и все.

– А как в войну медсестры раненых носили? – серьезно и рассудительно ответила она Томочкиным родителям, пришедшим к ней со слезами благодарности и забравшим к себе попить чай. Они сидели за круглым столом, на котором стояли красивые вазочки с вареньем, большой бело-голубой чайник и такие же чашечки. Лиза впервые попала в такой дом и чувствовала себя Золушкой.

Через несколько дней Томочку выписали из больницы, того самого зэка поймали во время очередного ограбления, а Лиза стала постоянной гостьей в их доме.

Ближе и преданней подруги у Тамары никогда не было. Разница в возрасте вскоре сгладилась и стала незаметной. Лизина рассудительность и практичность замечательно уравновешивали Томочкину наивность и доверчивость. С годами роли поменялись: властная и импульсивная Елизавета стала прислушиваться к мнению Томочки, ставшей со временем более уравновешенной и рассудительной. Но в юности первую скрипку всегда играла Лиза. Единственный

раз, когда Томочка не послушала подругу, была внезапно нагрянувшая любовь.

Томочка созрела для семейных отношений, тело и душа требовали выхода энергии, но объект выплеска нежных чувств отсутствовал. Лиза, поступившая на философский факультет университета, все силы бросила на учебу и к подружкиным переживаниям относилась снисходительно.

– Томик, будут тебе кавалеры! Мужики в жизни не главное.

– А что главное? – возмущалась Томочка. – Человек рожден для любви.

– Будет тебе любовь, не беги впереди паровоза, – улыбалась Лиза.

На майские праздники их пригласили в общежитие студентов-химиков. Вернее, пригласили Лизу, а она взяла с собой Томочку, находившуюся в активном поиске женихов.

– Ой, как здорово! – прыгала Тамара и хлопала в ладоши, словно девочка, собирающаяся впервые на елку в детский сад.

На этом судьбоносном вечере она и познакомилась с Мишей. Симпатичный худощавый парень оказался без пяти минут медиком. Он заканчивал последний курс мединститута и срочно искал девушку с пропиской и со связями, поскольку впереди маячило распределение, а приехавшему из далекого уральского села пареньку страсть как не хотелось возвращаться на родину. Мишина успеваемость оставляла

желать лучшего, звезд он с неба не хватал, поэтому Томочка подвернулась как нельзя более кстати. Связей у нее не было, зато за нее можно было зацепиться, как за корягу в мутной реке жизни. Миша использовал единственный шанс стать городским жителем, вырвавшись из своего захолустья. Роман их был бурным и скоротечным. Итоговой точкой явилась скромная свадьба и молниеносная прописка в квартиру невесты.

Лиза, моментально раскусившая хитрого провинциала, в своих попытках открыть Томочке глаза едва не утратила права называться ее подругой. Предотвратить свадьбу она не смогла, поэтому ограничилась лишь свирепыми взглядами в сторону жениха со своего почетного свидетельского места.

Миша оказался неожиданно хорошим мужем. Сказалась деревенская закваска. Он все тащил в дом, не пил и был умеренно рукастым. Во всяком случае, ни сломанных полочек, ни отвалившегося кафеля в квартире не наблюдалось. С Томочкиными родителями он замечательно ладил, жену не обижал, но и не особо баловал.

Лиза заходила к ним редко. Она ждала своего единственного, усиленно занималась, мечтая сделать карьеру. Мишу, несмотря на все его положительные качества, Лиза терпела с трудом, поэтому встречались подруги редко.

Однажды, когда Сереже исполнилось три года, Томочка решила сделать любимому мужу сюрприз и нагрянула поздно вечером к нему на работу. Принесла горячий ужин. Впо-

следствии, когда она, захлебываясь слезами, рассказывала подруге подробности произошедшего, Лиза только качала головой, поражаясь наивности Томочки.

– Ну, разве можно появляться, как снег на голову? Мужика надо предупреждать о сюрпризах, чтобы чего не вышло! Меньше знаешь – крепче спишь!

Но Томочка давилась рыданиями, утопая в своих трагических переживаниях.

– У двух любящих людей не должно быть тайн друг от друга! – всхлипывала она, пачкая Лизину кофточку слезами, смешанными с тушью.

Ситуация была банальной до зубовного скрежета. Влетев в ординаторскую с горячим жирным борщом в литровой баночке, она увидела своего Мишаню в позе лихого кавалериста. Роль кобылы исполняла молоденькая брюнетистая медсестра. Повернув голову, девица прикрикнула на застывшую в дверях Тамару:

– Больная, закройте дверь с той стороны! У нас совещание!

– Ты сама больная! – взвизгнула обычно тихая и интеллигентная Томочка, метнув в «буденновца» свой сюрприз. Банка с грохотом разбилась о стену, окрасив белый кафель веселыми борщевыми брызгами.

Потрясенная увиденным, она побежала по полутемному больничному коридору и на выходе из отделения наткнулась на Галину, пожилую медсестру, с которой у них в последний

год сложились более-менее дружеские отношения. Галя поняла все сразу, но, в своем порыве утешить обманутую жену, она, как неопытный сапер, умудрилась перерезать не тот провод:

– Да не переживай ты, деточка! У нас все врачи так делают, ничего в этом зазорного нет! Ночь же, чем заняться-то?

В ее голосе было столько искреннего недоумения, что Тамара сразу поняла, как проходили частые ночные дежурства любимого мужа, после которых он возвращался абсолютно измочаленный и падал отсыпаться.

Когда утром Миша вернулся домой, его вещи уже стояли на лестнице. Он правильно понял ситуацию и повел себя более чем благородно. Квартиру и имущество они не делили, ушел блудный муж тихо, без скандала, и исправно платил алименты на Сережу, не претендуя на встречи с сыном. Возможно, он не любил мальчика, а может быть, ему просто было стыдно, но факт оставался фактом: отца Сережа больше так и не увидел. Психологическая травма, нанесенная наивной и романтичной Томочке, была настолько глубокой, что она едва не решилась наложить на себя руки. Только здравый смысл и круглосуточные Лизины дежурства у ее постели удержали Тамару от самоубийства. Замуж она так больше и не вышла, посвятив свою жизнь сыну.

И вот теперь пришла пора отдать Сереженьку другой женщине. К огромному облегчению Тамары Антоновны, женщина эта оказалась вполне достойной.

Юлька сидела за столом, напряженно улыбаясь и судорожно притиснув локти к бокам. Тамара Антоновна засыпала ее вопросами, желая выяснить все подробности биографии будущей невестки. Юлька чувствовала себя Зоей Космодемьянской на допросе у немцев. Единственное, о чем она мечтала: чтобы это собеседование как можно скорее закончилось. Тамара Антоновна оказалась милейшим человеком. Она настолько бесхитростно выпытывала информацию о возможных дефектах невесты любимого сынули, что Юльке стало невыносимо стыдно обманывать эту по-детски улыбающуюся пожилую женщину. Она приняла Юльку как родную, смотрела с обожанием и даже сама предложила разъехаться, чтобы не мешать молодым. Тамара Антоновна казалась пугающе идеальной свекровью. Нереальность происходящего напрягала, Юлька ждала подвоха, хотя проблема была в ней самой.

Во время торжественного чаепития Сергей официально объявил матери день свадьбы. Тамара Антоновна закудахта-ла, разнервничалась, словно весть о свадьбе долетела до нее впервые, и начала судорожно переставлять вазочки на столе.

Когда она закончила рокировку чашек, основательно расплескав их содержимое, сын огорошил ее сообщением о том, что свадьбы как таковой не будет. Они только распишутся, а потом поедут вдвоем в ресторан.

– Вдвоем! – Голос Тамары Антоновны дрогнул, и она по-

крылась красными пятнами. Юльке впервые захотелось дать Сергею подзатыльник, чтобы он пролил свой чай, который в данный момент с довольным хлюпаньем втягивал в себя, заедая шоколадом. Она была абсолютно солидарна со свекровью: сообщение об отсутствии пышного торжества должно вызывать у нормальных людей именно такую реакцию.

Аккуратно сложив фантик от очередного «Мишки на севере», будущий муж наивно хлопнул глазами и пояснил свою умную мысль:

– Всех знакомых пригласить нереально, а если кого-то не включить в список приглашенных, будет смертельная обида. Зачем нам лишние проблемы? Наша семья – это наше личное дело. Я не хочу, чтобы целая орава народа, перепившись, орала «горько!» и смотрела, как мы целуемся. Тем более что к середине застолья все забудут, зачем пришли.

Огорошенная Тамара Антоновна машинально крошила на блюдечко сдобную булочку, словно собиралась пойти кормить голубей:

– А-а... А ваши родители не обидятся, Юленька? Или они еще не знают? – Голос матери дрожал.

Юлька моментально вспомнила мамину реакцию на то, что ей не удастся похвастаться перед подружками шикарным зятем, прокатиться на лимузине с колечками и рассказать во всеуслышание сытым и довольным гостям о том, как она воспитывала дочь, терпела тяготы и лишения и, наконец, выра-

тила замечательную красавицу, которая нашла себе достойного супруга.

– Это как понимать? – завопила мама, грохнув кулаком по столу так, что упала салфетница, салфетки из которой белыми чайками спланировали на пол. – Я уже всем рассказала, что ты выходишь замуж!

– Ну и зря, – тихо пробормотала Юлька, пятясь к выходу. – Моя свадьба не повод для пьянки.

– Конечно, а что еще надо для счастья твоей матери-алкоголичке? – Мама уперла руки в бока и обрушила свой гнев на съездившегося в углу супруга: – Боря! Ты слышал? Мы ее растили-растили, а для чего? Все напрасно! Все зря!

– Мама! – Юля попыталась внести коррективы в набирающий обороты скандал. – Мы распишемся, штамп будет...

– И что? Я буду ездить по знакомым и предъявлять им твой паспорт? Да кто мне теперь поверит?

– Галь, – робко вступил отец, – ну, выйдет девка замуж, и хорошо. Мы дома отметим. Какая разница...

– ...где напиться! – подхватила его мысль распалившаяся мама. – А что я людям скажу?

– Ты что, уже кого-то пригласила на свадьбу? – испугалась Юлька.

– Как я могу пригласить кого-то, если родная дочь мне даже дату свадьбы не сообщила? Все, мать не нужна! Выросла, понимаешь, и тьфу на вас, родители! Не нужны больше! Я теперь птица другого полета!

– Мама, что ты такое говоришь?! При чем здесь это? Сергей не хочет...

– Если у зятяка нет денег, то мы с отцом уж наскребем!

– Он не из-за денег, он просто...

Как объяснить, почему Сергей не хочет веселого гулянья, Юлька не знала по той простой причине, что постеснялась спросить у будущего мужа: а почему, собственно, без гостей? Когда Сережа сказал, что, кроме них, никого не будет, Юлька оторопела до такой степени, что смогла лишь согласно кивнуть и как эхо повторить, что, мол, это он замечательно придумал.

– Моя дочь, как какая-то оборванка, тайком, без свадебного платья, с черного хода забежит в загс и распишется. Можно подумать, что вы собираетесь совершить что-то постыдное!

Юльке отсутствие подвенечного платья тоже напрягало, но, с другой стороны, если они хотят просто поставить штамп в паспорте, то белое платье с фатой в данной ситуации будет выглядеть глупо. Разговор с мамой закончился горькими слезами и полным отсутствием конструктивных предложений.

И вот теперь Тамара Антоновна озвучила те вопросы, которые терзали Юльку:

– Сереженька! Я не совсем поняла, а мне вообще не приходиться или как?

Глаза ее заблестели, пальцы, превращавшие булочку в горку мелких крошек, дрожали, а сама она скукожилась, как старая хлебная корочка, олицетворяя абсолютное отчаяние. Юльке захотелось обнять свекровь за костлявые плечики, наорать на Сергея и сделать все по-своему. Но она продолжала тарашиться в кружку с чаем, в которой мок забытый пакетик заварки, и молчать. Язык отказывался озвучивать ее чувства и эмоции.

– Почему? – удивился Сергей. И тут он во всей красе показал свою суть, дав изумленной невесте еще один шанс убедиться, что ей достался бриллиант, только сильно запылившийся, а потому не подобранный никем ранее. Оказывается, пока Юлька и близкие друзья и родственники изнывали в полнейшем неведении, Сергей заказал места в ресторане, выкупив небольшой зал. Свадебный ужин предназначался только для двоих, остальные участники праздника отсеивались на стадии фуршета, уже организованного и оплаченного женихом во Дворце бракосочетания. На сам процесс шлепания печатей в паспорт могли прийти все желающие: администратор Рита уже давно составила чудовищный список приглашенных, и вся команда секретарей усиленно трудилась над заполнением пригласительных открыток. Из короткого текста, украшенного завитушками, следовало, что гости смогут надкусить по паре бутербродов на коротком фуршете и ехать дальше по своим делам. Конечно, текст был не совсем таким, но суть от этого не менялась.

– Кстати, – с аппетитом впиваясь в булочку, пробормотал Сергей, – вы тоже дайте мне списки своих гостей.

– Сынок, но люди ведь даже не успеют купить подарки. Это неприлично, приглашать буквально накануне.

– Мам, все, что нам нужно, я куплю сам. Люди приглашены на фуршет и торжественную церемонию, поэтому вполне достаточно цветов. Думаю, что все это поймут правильно.

– А фуршет, это что? – напряженно спросила Тамара Антоновна, тщетно шаря глазами по Юльке и побуждая ее поучаствовать в прениях.

Сергей снисходительно улыбнулся и пояснил:

– Это когда люди быстро едят и пьют стоя, говорят то-сты...

– То, что ты описываешь, называется столовка при вокзале, – нахмурилась мама. – Я прекрасно понимаю значение слова «фуршет». Поясни мне, чем ты собираешься угощать людей? Мужчины не умеют организовывать подобные мероприятия правильно. Вы слишком легкомысленно относитесь к соблюдению правил этикета и...

– Мамуля, я с тобой в этом абсолютно согласен! Поэтому я и не занимаюсь фуршетом. Все сделает мой секретарь, она у нас светская львица и не позволит любимому директору ударить в грязь лицом.

– А я?! – наконец-то обрела дар речи окаменевшая от свалившейся на нее информации Юлька. – Почему я об этом ничего не знаю? Ты же сказал, что свадьбы не будет! Что мы

просто распишемся!

– Я имел в виду, что не будет гулянки в ресторане, – растерялся Сергей. – Мне казалось, что ты со мной согласилась. Я не люблю пьяных сборищ. Свадьба должна запомниться не дракой и осоловелыми лицами. Только ты и я... Но, если ты против, то все еще можно исправить.

Юлька ничего исправлять не желала. Испугавшись, что под «исправлением» жених подразумевает отмену свадьбы вообще, она затрясла головой и с воодушевлением завопила:

– Нет, все просто замечательно, только я тебя сначала неправильно поняла.

Вот это как раз Сергея ничуть не удивляло. От такой экстравагантной девушки можно было ожидать чего угодно. Юлькина непредсказуемость зашкаливала. И на этот раз будущая жена его не разочаровала:

– Но у меня же нет свадебного платья!

Сергей замер и уставился на нее, пытаясь переварить услышанное.

Положение спасла мама, встряв в затянувшуюся паузу, она возмущенно заметила:

– Твоя бабушка всю жизнь преподавала русский язык, а ты так и не научился нормально формулировать мысли. Я была уверена, как и Юленька, что не будет вообще ничего. Каким образом мы должны были догадаться о твоих планах?

Такого напора Сергей не ожидал:

– Зачем догадываться? Я же сам все рассказал! И потом,

даже если ничего не будет, невеста все равно должна быть в платье!

– Я поняла. – Юлька решила внести ясность. – Чтобы мне не путаться под ногами, решим так: я занимаюсь только свадебным платьем, а все остальное на тебе.

– А разве мы планировали как-то иначе? – изумился Сергей.

Юлька возмущенно фыркнула и посмотрела на Тамару Антоновну. Свекровь ответила ей взглядом, подтверждавшим ее полнейшую солидарность с будущей невесткой и глубочайшее возмущение поведением сына. Оставалось только обняться и расцеловаться в знак вечной любви и верности.

– А кольца? – ехидно спросила мама.

– Ой! – ответил Сергей.

– Ага! – хлопнула в ладоши Юлька. – Прокололся, организатор!

Сергей добродушно улыбнулся:

– Завтра вечером съездим и выберем. Заодно и платье посмотрим. У тебя же, наверное, нет денег на нормальное? А у моей жены все должно быть самое лучшее.

Юлька покраснела.

– Возмутительная бестактность, – подскочила Тамара Антоновна. – И это мой сын! Как можно говорить девочке про деньги!

– А что я такого сказал? – перепугался Сергей, пытаясь заглянуть в лицо покрасневшей невесты. – Мы купим хоро-

шее дорогое платье. Что за ханжество? Семейный бюджет у нас теперь общий.

Юлька мгновение поразмышляла и решила, что жених абсолютно прав. Денег на платье у нее действительно нет, а брать у родителей просто неприлично. Она улыбнулась и звонко чмокнула его в щеку. Тамара Антоновна покраснела и суетливо убежала на кухню, громко бормоча про остывший чайник.

Когда чай был допит, булочки съедены, а Юльке были показаны все фотографии не только времен Сережиного детства, но и ясельного периода самой Тамары Антоновны, пришла пора прощаться.

– Как? – изумилась свекровь, растерянно переводя глаза с сына на гостью. – Разве вы не останетесь у нас?

Юлька оцепенела от смущения, а Сергей спокойно сказал: – Мама, Юля – девушка из приличной семьи. До свадьбы она будет жить с родителями. Согласись, разве может невеста ночевать у жениха? Это ее скомпрометирует.

«Девушка из приличной семьи» внутренне сжалась и осторожно скосила глаза на Тамару Антоновну. Та согласно кивала и улыбалась. Эта дикая доисторическая формулировка ее устроила.

Невеста торопливо попрощалась и буквально скатилась с лестницы, торопясь исчезнуть из поля зрения будущей свекрови.

Милейшая Тамара Антоновна немым укором преследова-

ла Юльку днем и ночью, во сне и наяву. Окажись она скандальной фурией, все встало бы на свои места. Обманывать крайне несимпатичного человека много проще, чем сухонькую доверчивую пожилую женщину, с восхищением смотрящую на тебя и пытающуюся услужить всеми доступными способами. А Юлька обманывала. Коварно и страшно.

Белое платье висело в шкафу, Галина Даниловна с наслаждением засыпала родственников и знакомых подробностями будущего семейного счастья своей непутевой дочери, Борис Игнатьевич пытался выведать подробности меню грядущего фуршета, жених благосклонно принимал поздравления от клиентов и сотрудников, а Юлька ждала возмездия. Чем меньше времени оставалось до дня бракосочетания, тем страшнее были ее сновидения и последующие утренние размышления. Судьба, безусловно, ошиблась. Не мог ей достаться Сергей: его половинка, красивая, молодая и абсолютно небеременная девушка, подлым образом была обойдена на повороте хитрой и пронырливой Юлькой, которая прорвалась в эту реальность из параллельного серенького мира, где ей было уготовано стать матерью-одиночкой, покорно растящей своего внебрачного отпрыска и ждущей скучной и неизбежной старости. Именно так! Со дня на день наверху спохватятся, наведут порядок, и тогда позор и одиночество до конца дней, потому что никто, кроме Сергея, ей не нужен. Да и она, собственно, тоже не особо кому нужна.

Аня пыталась вправить мозги трагически свихнувшейся

невесте:

– Ты, Юль, с жиру бесишься, – строго смотрела на нее подруга, изображая крайнюю степень презрения к Юлькиным домыслам. – Все, что ты получаешь, вполне заслуженно. Сама подумай: тебя, беременную, бросил твой убогий бойфренд. Так? А ты, несмотря на эту дичайшую выходку судьбы, тем не менее, аборт не сделала, а решила осчастливить общество еще одним достойным гражданином.

– Ань, давай без патетики, – тупо глядя в окно, печалилась Юлька. – Мы-то с тобой знаем, что аборт я не сделала не из героических побуждений, а совсем по другой причине. Либо этот ребенок, либо никакого вообще. Так, кажется, твой доктор сказал? Понимаешь, он слишком хорош для меня. Да еще богатый... Хоть бы у него денег не было, что ли!

– Дура! – грохнула кулаком по столу Анька. – Сплюнь! Деньги ей мешают! Если мешают, трать! И вообще, подожди его нахваливать. Помяни мое слово, начнете жить вместе, повылазит столько дефектов, что ты в момент успокоишься, а через месяц уже будешь думать, как ему крупно повезло, что ты согласилась за него пойти. Еще неизвестно, кто кому одолжение делает! Может, у него такой скелет в шкафу, что о-го-го!

– Ага, – кивнула Юлька. – Он, наверное, тоже беременный и скрывает это.

– Между прочим, он в курсе, что ты ребенка ждешь. Тоже мне, тургеневская барышня! Да сейчас это абсолютно нор-

мально! Один ребенок от одного мужа, другой от другого, третий...

– ...от третьего! – с умным видом продолжила логическую цепочку Юлька. – Только ты забыла, что это моя первая и последняя беременность. Ему я ребенка не рожу. И как я должна Сергею об этом сказать? А как я должна себя вести с его мамой, которая будет уверена, что я родила ей внука?

– Ну, во-первых, начну с конца: ты родишь ей внука, и не имеет значения, родной он ей или нет. А травмировать бабушку излишними подробностями ни к чему, она человек старой закалки и современных веяний не понимает.

– Я тоже не понимаю этих самых веяний! – перебила ее Юлька. – Я всегда думала, что надо выйти замуж, родить ребенка и жить с любимым человеком всю жизнь!

– Мама дорогая! Да кто ж тебе мешает? Вот сейчас все именно так и сделаешь: выйдешь, родишь и живи себе до самого переезда на кладбище!

– Я не хочу врать, это омерзительно: жить в обмане, лгать в глаза...

– Кому? – гаркнула Анька, окончательно выходя из себя. – Кому врать? Да с такими взглядами ты слегка запоздала родиться! Сейчас выходят замуж за одного, любят другого, а детей делают с третьим! Тоже мне, Белоснежка! Золушка, елки-палки! Попался тебе принц, и держи его обеими руками, а ногами соперниц отпихивай. Твои моральные переживания устарели, как антикварная люстра из дворца:

вроде красивая, а в квартире не повесишь, габариты не те! Ты глянь на меня! Что, хочешь так же?

– А тебе-то чем плохо? – Юлька удивилась так, что на секунду даже забыла про свою собственную трагедию. – Твой Вадим шикарный мужик, с деньгами, интеллигентный...

– Забыла? Я не только ему ребенка не рожу, я вообще никому и никогда никого не рожу.

– Извини, – смешалась Юлька, отведя глаза.

– Да я не парюсь по этому поводу, в отличие от тебя. Лучше уж так, как у вас с Сергеем, чем как у меня. Я вообще не представляю, как с его мамашей разбираться. Да и замуж меня никто пока не звал.

– Мы из-за живота торопимся.

– А ты не оправдывайся. Сергей прав: незачем его матери это все знать. Она вас обоих потом грызть будет. Не всякое знание благо, знаешь ли. Умнее надо быть и хитрее.

– Куда уж хитрее, – пробормотала Юлька. – А как мне ему сказать, что детей больше не будет?

– Зачем? Само потом выяснится. Ах, какая неожиданность! Если любит, то все поймет правильно.

– А если нет? – не успокаивалась Юлька. – Если он мечтает о ребенке? Лучше пусть он бросит меня сейчас, чем потом, когда я к нему привыкну. Тогда отпускать будет труднее.

– Что ты несешь! Это же уму непостижимо! Да, вот именно! Пусть он тебя бросит сейчас, и ты перестанешь донимать

меня своим нытьем. – Анька забегала по кухне, как вспугнутый таракан, натываясь на мебель и хватая мелкие предметы, попадавшие под руки.

– Мне говорить ему или нет? – наверное, уже в сотый раз спросила Юлька.

– Нет! Нет! Нет! Еще раз повторить? – Подруга чуть не рассыпала сахар, со всего размаха шлепнув сахарницей по полке. – Ты же просто невыносима! Бедный муж. Мне придется дать ему пару консультаций по выживанию в условиях проживания с такой идиоткой, как ты!

– Ты права. Я все ему скажу, иначе я просто сойду с ума. – Юлька сделала из ее выступления не совсем логичный вывод, но Аня устала от этих ежедневных аутотренингов настолько, что решила больше не спорить, тем более невеста уже набирала трясущимися руками номер Сергея.

– За платье и за кольца я ему деньги верну. Если что... – бормотала она, не попадая на нужные кнопки.

– А кто возместит затраты на ресторан и фуршет? – меланхолично поинтересовалась Аня, устраиваясь на подоконнике.

Юлька покосилась на нее диким глазом, но отреагировать не успела. Судя по выражению ее лица, Сергей уже ответил.

– Сережа... – Пауза затянулась. Аня покрутила пальцем у виска и демонстративно отвернулась. Юлька напряженно хмурилась, пытаясь поймать момент в плавном журчании, доносящемся из трубки, чтобы несколькими словами разру-

шить собственное счастье. Наконец она жалобно встряла в монолог жениха:

– Нам надо поговорить.

– Говори, радость моя.

– Не по телефону.

– А почему такой трагический тон? Что-то случилось?

– Случилось.

– Что?!

– Не по телефону.

– Юля, в чем дело? Что-то серьезное? – Сергей разнервничался. Ох уж эти женские штучки. Сначала заинтригуют, а потом мотают нервы.

– Да. Очень. Но я должна сказать это, глядя тебе в глаза. Понимаешь?

– Не понимаю. – Сергей начал всерьез злиться. У него была еще масса дел, а непонятное сообщение невесты вкупе с отчетливо проскальзывающими горестными нотками выбило его из колеи. – Говори давай, в чем дело-то?

– Не могу, – словно издевалась Юля. Она старательно пыталась удержать слезы, но голос вибрировал, словно только что порванная струна.

– Мне сейчас приехать, или ЭТО ждет до вечера? – В его тоне Юльке послышалось раздражение.

Аня таращила глаза, словно сова, которой сунули в физиономию фонарь с галогеновой лампочкой. Она силилась понять по Юлькиному лицу реакцию Сергея.

«Зря я ей не помешала, – подумала она, спрыгивая с подоконника. – Вот дуреха. Все ведь испортит!»

Юлька сидела ссутулившись.

– Он рассердился. Сказал, что сейчас приедет.

– Я сматываюсь, – заторопилась Аня. – Деритесь без меня.

– Не уходи! – взмолилась Юлька, подняв на нее покрасневшие глаза.

– Ну, нет. Это, пожалуйста, без свидетелей. Не думаю, что Сергей обрадуется тому, что я тоже в курсе событий. Получится, что ты делаешь из него дурачка. Все знают, он один в счастливом неведении. Раз знаю я, получается, что и Вадим в курсе, а там, глядишь, и мамаша его. Нет, я исчезаю.

– Ань, спрячься где-нибудь!

– Где? В туалете? Приспичит ему, а там я: Здравствуйте! Мимо шла, на секунду забежала!

– Да что, спрятаться негде? Под кроватью, в шкафу...

– Юля, ты температуру померить не хочешь? Или ты решила моим костюмом пол в труднодоступных местах протереть? Тогда аплодирую твоей сообразительности!

– Не уходи!

– Я на улице, в машине посижу! Он уйдет, я вернусь, – пошла на компромисс Аня.

– Ты можешь на балконе спрятаться!

– Вот спасибо! А если вы тут активно мириться начнете, про меня забудете? Будут потом пышные похороны вместо свадьбы. Не ерунди, девушка. Все. Чао! Вернусь, когда муж-

чина скроется за горизонтом, спасаясь бегством! Поплачем вместе.

– Ты думаешь...

– Нет, я так шучу. Глупость ты придумала невысказанную. Если уж и пугать мужика, то сразу, а не растягивать удовольствие. А то сначала свадьбу наметили, а теперь грязным бельем трясти будете.

– У него от меня секретов нет. Это я...

– Да неужели? – Анька многозначительно закатила глаза. – Еще неизвестно, что тебе твой идеальный мужчина поведаст. Может, у него тоже трое по лавкам скачут. Причем по разным!

– Он не такой.

– А если бы оказалось, что у него есть где-то ребенок, про которого ты не знаешь, как бы ты отреагировала? – Аня торопливо натягивала сапожки.

– Не знаю, – задумчиво протянула Юлька. – А какая разница? Ну, познакомлюсь с этим ребенком, будем по выходным вместе гулять, или что там с детьми делают?

– Во, золотые слова. Спроецируй эту умную мысль на него!

– Не поняла, как это? Не вижу связи.

– Пока его нет, сиди и ищи эту самую связь. Все. Аудиенция окончена. Я ушла в засаду!

– Уходят в подполье, – машинально пробормотала Юлька, глядя в спину весело цокающей вниз по лестнице подруге.

Сергей появился минут через двадцать. Юля прилипла к окну, пытаясь разглядеть въезд во двор и одновременно наблюдая за пронзительно-красной Анькиной машиной. Наличие в непосредственной близости от места грядущей трагедии ближайшей подруги делало Юльку немного смелее в ее непоколебимой решительности быть честной до конца.

Сергей влетел в квартиру с криком, что у него слишком мало времени, поэтому никаких предисловий он не потерпит.

– Давай выкладывай все и сразу. – Он быстро чмокнул Юльку в щеку и с ожесточением затряс ногой, пытаясь снять ботинок, который он поленился расшнуровать.

– Подожди, я помогу. – Юлька присела и дернула за шнурок. У нормального человека в результате этой примитивной манипуляции бантик должен был бы развязаться, у Юльки, разумеется, получился тугой мокрый узел. – Не трясги ногой, ты мне мешаешь.

– Дай, я сам!

– Не надо. Тут узел.

– Да? А только что никакого узла не было!

– Ты сам виноват. Не надо было дрыгать ногами.

– Ладно. Пусть я буду виноват, – покладисто согласился жених и уселся на тумбу: – Оставь в покое мои грязные ботинки и говори, что случилось.

– Я взялась за шнурок, а ты резко дернул. Просто это, видимо, был не тот...

– Юля!

– Ой, ботинки все в песке. Дворники совсем обалдели: то горсточку бросят, а то целыми самосвалами...

– Юля!

– Я сейчас почищу, ты не волнуйся...

– Юля! Ты издеваешься? Я что, бросил итальянцев и остался без обеда для того, чтобы любимая девушка получила шанс почистить мои ботинки? Ты хотела что-то сказать!

– Это очень важно. Я не могу в коридоре. Мы должны спокойно сесть и поговорить.

– Ты передумала выходить за меня замуж? – округлил глаза Сергей и изогнулся в немыслимой позе, пытаясь поймать бегающий взгляд косноязычной невесты.

– Нет! – выкрикнула Юлька. – То есть, да... То есть, это ты сейчас передумаешь. Наверное...

– Я? Сейчас передумаю? Что у тебя еще случилось?

– Я в коридоре не могу.

– А я не могу снять ботинки. По твоей милости. И что будем делать?

– Давай отложим разговор до вечера, – выдохнула Юля.

– Ты... ты что? Наверное, со временем я привыкну к твоим странностям, но сейчас сделай одолжение, постарайся четко и быстро сформулировать, зачем ты сдернула меня с работы. Сейчас, а не вечером! И не завтра!

– Проходи в комнату. – Юлька гостеприимно взмахнула руками, продолжая возиться где-то под ногами у взмылен-

ного жениха. Сергей вспомнил вдруг, что в детском саду было такое смешное упражнение: уточки в пруду. Воспитательница стояла посередине, а они на корточках, смешно переваливаясь и размахивая ручонками шли к ней. Юлька сейчас делала что-то подобное. Она отступила в сторону, давая Сергею дорогу, но при этом так и не поднялась. Он нагнулся и резко поднял ее. Тихо ойкнув, невеста разогнула ноги и уверенно встала на длинный шнурок, усталым червячком лежавший на полу. Следующий шаг Сергея едва не стоил ему переломанных конечностей. Он успел схватиться за стену и оглянулся на Юлю, тупо смотревшую себе под ноги.

– Ой, это я наступила...

– Ногу убери, – тихо сказал Сергей.

– Наверное, сегодня день неблагоприятный, – проямлила Юлька, передвинувшись в глубь коридора.

– Наверное. – Сергей потянул ее за собой в сторону кухни.

– На кухне едят, это не очень подходящее место...

– А в комнатах ковры. Я туда в ботинках не пойду, так что давай придем к консенсусу: кухня не коридор, там вполне можно поговорить. – Сергей решительно пошел вперед, подволакивая за собой слабо сопротивляющуюся Юльку.

Он сел спиной к окну и усадил напротив красную, как помидор, невесту. Она тут же вскочила:

– Сейчас я кофейку...

– Юля! Хватит! Ты откровенно тянешь время, а у меня именно сегодня его абсолютно нет!

– Ладно. Только ты не перебивай. Мне очень сложно это говорить... – Она вопросительно подняла на Сергея глаза, но он послушно молчал, выжидательно глядя ей прямо в рот. – Помнишь, я говорила тебе, что беременна?

Сергей молча кивнул, нетерпеливо пошевелив под столом ногами.

– Про Костю рассказывала, помнишь?

Сергей снова кивнул. Тема была крайне неприятна, поэтому ему хотелось поскорее получить всю информацию, которую Юлька цедила по капле, как морковный сок через забитое ситечко.

– Помнишь, я тебе еще сказала, что решила оставить эту беременность, несмотря ни на что.

Сергею хотелось прикрикнуть на эту кулему, явно собиравшуюся сообщить что-то ужасное. Зуб можно рвать резко и сразу, а можно тянуть медленно. Наверное, садисты именно так измываются над своими жертвами. Сергей не имел склонностей к мазохизму, а потому терпение его было на исходе. Если ее сейчас как следует встряхнуть, то, возможно, информация польется быстрее. Но существовал риск, что она вообще замолчит, поэтому приходилось терпеть. Он перерзал, ободряюще улыбнувшись приунывшей рассказчице.

– Так вот. Я не сказала тебе самого главного: я забеременела случайно. У меня вообще не может быть детей.

Сергей продолжал смотреть на нее, но Юлька опять замолчала, уставившись куда-то на свои коленки.

Пауза затягивалась. Сергей с трудом подавил желание пнуть ее под столом. Возможно, удалось бы попасть на кнопку «вкл», и Юлька продолжила бы свой тягостный монолог.

– Почему ты молчишь? – ожила наконец невеста. – Я тебя не держу. Я должна была это сказать. Теперь ты свободен. Можешь идти. Я мужественно приму любое твоё решение. Только помни, что ты ничем мне не обязан, и не надо меня жалеть.

– Ю-ля! Ты понимаешь русский язык? У меня итальянцы, я действительно должен идти! Говори, в конце-то концов, что ты там собиралась сказать, и я поеду. Я их бросил обедать с Вадимом. Свадьба, безусловно, очень важное событие, но я не имею права наплевать на бизнес.

Юлька, пребывавшая в состоянии, близком к мозговой коме, уловила в его выступлении только одно: Сергей хочет уйти.

– Прощай, – кивнула она.

Сергей всхрипнул и от негодования начал заикаться:

– Ты что – нарочно? Это тест такой на психологическую совместимость? Или это вообще скрытая камера? Что ты хотела мне сказать? – Он навис над девушкой, тихо раскачивавшейся из стороны в сторону.

– Я уже все сказала! – Юлька на мгновение вышла из состояния протрации.

– Что ты сказала?

– У меня не будет больше детей!

– Это ты мне сказала уже давным-давно! А что ты собиралась сказать сейчас? Вот сегодня! Когда ты звонила мне на работу, что ты хотела сообщить? Ты еще сказала, что это важно! Я приехал. Ну, и... – Он читал, что беременные женщины бывают со странностями, более того, он теоретически помножил эти неизбежные странности на Юлькину непредсказуемость, но сейчас он впервые усомнился, что это можно выдержать и не свихнуться самому.

– Ты не понял: я никогда не смогу родить тебе ребенка!

– Если ты хочешь второго, мы можем взять из детского дома. Про то, что ты не сможешь больше родить, ты уже говорила перед самым Новым годом. А сейчас-то ты про что хотела сказать?

Юля смотрела на него совершенно пустыми глазами, но, судя по нахмуренным бровям, внутри ее взлохмаченной головки шел бурный мыслительный процесс.

Сергей попытался задавать наводящие вопросы:

– У тебя там двойня?

Тишина. Брови съехались еще ближе.

– Тройня?

Никакой реакции.

– Я не понравился твоим родителям? Тебе не понравилась моя мама? Квартира? Дата свадьбы? Чего, черт побери, не так?!

– Я не помню, чтобы я тебе такое говорила. Я бы не забыла. Это слишком важно для меня. Ты сейчас мне врешь! –

догадалась она. – Просто хочешь уйти без истерик. Я поняла. Ты не бойся, скажи мне... Ну, скажи, например, что тебе надо подумать, что свадьба переносится, что ты мне потом позвонишь...

– Юленька! Я тебя очень люблю. Свадьба не переносится. Я не хочу других детей. Это все, что ты хотела мне сказать?

– А у тебя есть от меня какие-нибудь тайны? – вместо ответа с надеждой спросила Юлька.

– Нет, – натягивая куртку, ответил Сергей и поцеловал ее в нос. Полного облегчения он так и не почувствовал, поскольку готовился к самому худшему, и теперь ему казалось, что Юлька так и не отважилась сказать то, ради чего затевала этот судьбоносный разговор.

– И детей у тебя нет?

– Нет.

– Я их буду любить, – на всякий случай сообщила она, заглядывая ему в лицо.

– Нет никого: ни детей, ни жен, ни тайн.

Юлька опечалилась. Ей хотелось тоже немедленно простить ему какую-нибудь постыдную тайну.

– А ты детей вообще не любишь? – спросила она на всякий случай.

– У меня их еще не было. Наверное, люблю. Чужие, во всяком случае, мне нравятся. Они забавные такие. Ты точно больше ничего не хотела мне сказать?

– Я тебя люблю. Если передумаешь жениться, позвони

сразу.

– Хорошо, – серьезно кивнул Сергей. – Сразу позвоню. Только телефон не занимай.

Юлька побледнела, и он торопливо добавил:

– Я пошутил. Не говори глупостей. Я вечером за тобой заеду, поедem в театр с итальянцами. Хочешь?

– Хочу, – кивнула она. – А ты же не собирался меня брать.

– Ну, это деловой визит. Я подумал, что тебе будет с нами скучно. Но если я сегодня вечером не появлюсь, ты можешь бог знает что подумать. Так что готовься. В шесть вечера заеду.

Юлька с трудом отлепилась от него и потом долго махала рукой из окна вслед уезжающему «Вольво».

Она мечтательно смотрела на улицу, по телу разлилась слабость, голова кружилась от пережитого волнения. Надо же быть такой идиоткой и забыть, что уже все ему сказала. Нет, пора вставать в консультацию на учет и просить таблетки для головы. Иначе за ней прочно закрепится репутация девочки-беды. В дверь позвонили.

«Не пойду», – решила Юлька и упала на диван. Ей было так хорошо, что открывать кому бы то ни было не хотелось. У родителей есть ключи, а все остальные пошли вон! Звонок надрывался, затем послышались глухие удары в дверь и невнятные голоса. Юлька испуганно вскочила и на цыпочках прокралась в коридор.

– А где у вас тут слесарь? – раздался мучительно знако-

МЫЙ ГОЛОС.

– И, милая, в ЖЭКе должен быть, да разве ж его тама найдешь? Пьет где-нибудь или халтурит.

– Надо ломать дверь! – услышала Юлька и прижалась к замочной скважине. – Она должна быть дома, я точно знаю!

От очередного мощного удара у Юли заложило ухо.

– Кто там хулиганит?! – тоненько прокричала она. – Я сейчас милицию вызову!

– А ну, открывай давай, что ты там делаешь? – раздался голос Ани, и последовал еще один пинок по косяку.

Юля приникла к шершавой обивке и посмотрела в глазок. Весь обзор закрыла смешно расплывшаяся Анькина физиономия, похожая на мордочку Пятачка из всенародно любимого мультика. Эта мордочка комично хмурилась и прижималась с той стороны большим круглым глазом:

– Открой немедленно! Что ты там задумала? Я сейчас сама эту проклятую дверь сломаю!

– Не ори, уже открываю. – Юлька загремела замками и выпустила нервно вскрикивавшую подругу: – Ты чего?

– Я чего?! Это ты чего? Почему не открывала? Я чуть палец о твой звонок не сломала! – Аня испытующе вглядывалась в блаженно улыбающуюся Юльку.

– Какими судьбами? – вежливо поинтересовалась хозяйка, вызвав у взмокшей подруги глубочайший шок.

– Что? – Аня обняла только что скинутую с плеч шубу, словно младенца, и прижала к груди, опустившись на тумбу,

на которой полчаса назад сидел жених.

– Кофейку хочешь? – гостеприимно предложила Юлька.

– Знаешь, чего я хочу? Я страстно желаю треснуть по твоей деревянной башке! Ты мне скажешь наконец, чем все закончилось?

– Ой! – Юлькины извилины наконец шевельнулись, а потом осветили темное сознание радостным озарением: – Слушай, я про тебя забыла!

Аня обессиленно привалилась к стене и прошептала:

– Хорошо еще, что я не согласилась прятаться на балконе. Это переходит уже все границы. Тебя пора изолировать от общества. Ну, давай, не томи! Что он сказал?

Юлька улыбалась и мечтательно закатывала глаза, наполняя чайник водой:

– Сейчас я тебе все расскажу. Ты не представляешь, что я отколола на этот раз!

Она смущенно хихикнула и вернулась к столу.

– Да уж, моей фантазии не хватит, чтобы угадать твой фортеля. Надеюсь, ты передумала сообщать ему свои глупости! – Аня схватила сушку и начала сосредоточенно ее грызть.

– Оказывается, он уже все знал! – огорошила ее подруга.

– Он что, детективов нанял?! Какая низость! Какая гадость! Он выпытывал все у посторонних людей, вместо того чтобы прямо спросить все у тебя! Откуда такое отвратительное недоверие! – Анька даже топнула ногой от избытка

чувств.

– Нет, это я ему все рассказала, только давно, еще перед Новым годом. Это же надо, а я и не помню об этом! – Юлька опять закатила глаза, как объевшийся голубь.

Аня застыла, не сводя с подруги остекленевшего взгляда. Да уж! Такого она точно не ожидала.

– Юль, если он после всего этого не передумал на тебе жениться, то это точно любовь. Или он тоже с большим приветом, что тоже вполне вероятно. Нормальный мужик уже давно несся бы от тебя, петляя как заяц и прижимая уши. Знаешь, ты даже мне надоела со своими придурковатостями. Ладно, проехали. На больных не обижаются. Мне работать надо.

Она ушла, так и не попив кофе. Юлька осталась со смешанным чувством восторга и легкого стыда. Она осознавала, что создает окружающим проблемы, но поступать иначе было выше ее сил, словно кто-то дирижировал ее поведением, заставляя будущую мать и жену совершать необъяснимые телодвижения, как марионетка на ниточках.

Валерий Михайлович, добрый и великодушный шеф, дал ей отпуск. Судя по всему, он решил, что для дела более выгодно отсутствие безумной секретарши в офисе, чем ее наличие. Надо было использовать эту короткую передышку не только для свадьбы, но и для решения своих важных «беременных» проблем. Время до вечернего похода в театр еще было, и она решила посвятить эту пару часов визиту в жен-

скую консультацию.

Первый сюрприз ждал ее при входе. Грозная старуха в синем халате перегородила ей путь шваброй, сунув палку Юльке прямо под ноги.

– Ой, простите, – машинально бормотнула она, пытаясь продолжить путь.

– А по хребту не хочешь? – раздалось сзади.

Ни на мгновение не усомнившись, что это любезное предложение относится к кому угодно, только не к ней, Юлька решительно двинулась к лестнице. Подол куртки за что-то зацепился. Не оглядываясь, она дернулась и едва не упала от резкого рывка, отбросившего ее назад. Оказывается, к подолу прицепилась та самая старуха. Пошевелив косматыми бровями, бабка оттопырила губу и непонятно крикнула:

– Ну!

Юлька впервые пришла в эту консультацию. Адрес она нашла в телефонном справочнике, и вот теперь судорожно размышляла, а не было ли там опечатки. Вполне возможно, что это и не консультация вовсе, а психоневрологический диспансер, а эта мегера со шваброй – психопатка, и не исключено, что в стадии обострения.

– Извините, я, наверное, ошиблась. Мне не сюда.

Рванув из слабых старческих рук подол, Юлька вылетела через холл на улицу. Убедившись, что никто за ней не гонится, она внимательно прочитала красивую лаковую табличку, похожую на мемориальную доску. Текст не оставлял

никаких сомнений. Это была именно консультация, и именно женская! Получалось, что ошиблась бабка, но пусть ей об этом сообщит кто-нибудь другой.

Юлька решительно вошла и огляделась. Психопатка где-то спряталась, все складывалось наилучшим образом. Навстречу, тяжело дыша и переваливаясь, двигалась беременная с огромным животом. Юлька радостно улыбнулась и звонко спросила:

– Извините, я тут в первый раз. Не подскажете, как на учет встать?

– Тут по адресам принимают, идите на свой участок, – пропыхтела женщина, вываливаясь на улицу.

Юлька с трудом переварила информацию. Последняя поликлиника, в которой она была, – детская. Там, кажется, действительно имелись какие-то участки и участковые врачи. Она пошла вдоль стен, обильно украшенных рекламой и маленькими обшарпанными стендиками с информацией. Узнав много новой, но абсолютно бесполезной чепухи, она вспомнила, что где-то должна быть регистратура. Поплутав по совершенно пустому холлу, Юлька нерешительно крикнула:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

– Чего орешь, не в лесу! Что надо?

Голос раздался неизвестно откуда и мелкими горошками слабого эха раскатился по гулкому помещению.

– Мне справочное бюро нужно, – растерянно покрутила

головой она.

– Ишь ты, бюро! Нету тут никакого бюро! Это медицинское учреждение, здесь только регистратура!

– Хорошо, – покорно кивнула Юлька. – А где регистратура?

– Тут!

«Вот вам здрасьте! – подумала Юлька. – Просто Алиса в Зазеркалье. Где это, интересно, тут?»

Неожиданно распахнулась неприметная дверца, заклеенная плакатами с рекламой слабительного, и из светящегося проема выдвинулась круглая женская фигура, туго обтянутая коротким белым халатиком.

– Сюда иди. Вот народ бестолковый!

Юлька радостно порысила к говорящему коlobку, но дверь захлопнулась прямо перед ее носом. Она изумленно затормозила, уткнувшись в глянцевое изображение новомодного лекарства.

«Похоже, они тут все с приветом!» – заволновалась Юлька и попятилась. Рядом что-то зашуршало. Она вздрогнула: среди разноцветных объявлений шевелило ярко покрашенными глазами краснощекое лицо. Над этим дивом была наклеена маленькая табличка с надписью «Регистратура».

– Здравствуйте! – обрадовалась Юлька, нагнувшись к амбразуре. – А у вас тут сумасшедшая ходит.

– У нас тут все сдвинутые, – кивнула голова, дрогнув жесткими блондинистыми кудряшками. – Нормальные за та-

кую зарплату не работают.

Юлька вежливо улыбнулась, не зная, как поддержать беседу в нужном ключе.

– А я беременна! – глупо улыбаясь, порадовала она невидимую регистраторшу.

– Вам посочувствовать или поздравить? – равнодушно поинтересовался голос из окошка.

– Мне бы к врачу.

– А, понятно. Участок какой?

– Это я у вас хотела спросить, – напряглась Юлька. Если эта тетка не знает, какой у нее участок, то кто же тогда знает?

Но регистраторша неожиданно вполне доброжелательно спросила адрес и назвала фамилию доктора.

– Спасибо вам! – воодушевленно воскликнула Юлька.

– Не за что. Все равно талонов нет, а запись только по пятницам, с восьми утра.

– И до сколько? – глупо спросила Юлька.

– Да минут за пятнадцать все расхватают, – хохотнула тетка.

Вспомнив мамины уроки, Юлька сложила губы трубочкой и проникновенно зашептала прямо в окошко:

– А нельзя платный талон?

– В смысле, на платный прием?

– Нет, я хочу купить именно талон, – неуверенно сказала Юлька, стараясь сохранить в голосе доверительные нотки.

Неаккуратно выщипанные брови пошевелились, глаза под

ними резко подобрили, и регистраторша почти ласково сказала:

– Ну, у меня остался один платный талон, дополнительный. Пятьдесят рублей. Без очереди по нему нельзя. Но там все равно, кто по записи, в живой очереди стоят. Так что займешь и встанешь. Сейчас карточку тебе сделаем.

Через десять минут Юлька уже радостно скакала вверх по лестнице. На площадке между этажами сидела в засаде давешняя психопатка.

– Куда, зараза! – заорала она, растопырив руки.

Юлька чуть не свалилась вниз, в последний момент схватившись за гнутые пыльные перила.

– Совсем стыд потеряли. Небось дома в сапожищах не шляешься, паразитка! А ну пошла в гардеробу разуваться!

Все встало на свои места. Лепеча извинения, Юлька задом начала отступать.

В гардеробе, за густым лесом вешалок с одеждой виднелась сгорбленная фигурка в синем халате. Похоже, гардеробщица спала. Юлька нерешительно потопталась, повозилась с курткой, наконец негромко кашлянула. Никакой реакции на все ее действия не последовало.

– Извините, – прошептала она, боясь нарушить хрупкий сон старушки и повредить ее старческую психику.

– Не ори, – квакнула старуха, не оборачиваясь. Поскольку она продолжала сидеть как изваяние, Юлька заподозрила, что на стуле муляж, а сама бабка где-то прячется.

– Мне бы сдать...

– Погодь!

Юлька не на шутку заинтересовалась, что же такое происходит. Внезапно «муляж» резко выпрямился и сообщил:

– Все, поженились они и уплыли на белой яхте. А Мурильо в тюрьме теперь сидит. Хорошая книжка, жаль, короткая.

– Да что вы говорите! – вежливо заметила Юлька, подумав, что отдел кадров в этой консультации явно неровно дышит к слабоумным и неадекватным. – Вот, куртку возьмите, пожалуйста. А бахилы у вас можно купить?

– У нас нет, а в аптеке можно! – любезно сообщила бабка, унося куда-то вглубь Юлькину одежду.

– А аптека где?

– В соседнем доме.

– Как? – ахнула Юлька.

– Так.

– Тогда отдайте, пожалуйста, одежду. – Воевать с агрессивной уборщицей ей не хотелось. Лучше сбегать в аптеку, чем пытаться проскочить мимо той церберши.

– Во народ! – изумилась бабулька. – Сами не знают, чего хотят. То возьми, то верни!

Народу в аптеке оказалось немного. Попытка сунуться вперед всех, со словами «я только спросить», успехом не увенчалась. Дородная мадам, противотанковым заграждени-

ем застывшая у окошка, слегка качнувшись в Юлькину сторону, едва не завалила Юльку, уже готовую озвучить свой вопрос про бахилы.

– Тут всем только спросить, – рыкнула мадам и неожиданно резко согнулась, гаркнув в пустоту завитринного пространства: – Эй, вы там что, заснули, что ли? Сколько можно ходить?

Через минуту из-за шкафов с достоинством выплыла не менее габаритная сотрудница аптеки:

– Нету. Может, что другое возьмете?

– Безобразие! – взвизгнула тетка, пытаясь поглубже ввинтиться в окошко и, видимо, дотянуться до расстроившего ее фармацевта.

– Осторожно, дама, застрянете, – меланхолично предупредила ее аптекарша. – Кстати, возьмите что-нибудь для похудения.

– Возмутительно! Хамство какое! – взвилась толстуха. – На себя посмотри!

Парни, стоявшие сзади, тихо захихикали.

К их огромному сожалению, тетка в окошке не застряла, а благополучно вывернулась и утопотала на улицу.

Когда очередь дошла до Юльки, она уже настолько увлеклась чтением всевозможных названий лекарств, что слово «бахилы» начисто улетучилось у нее из головы.

– Слушаю вас, – вежливо повторила аптекарша и слегка

пригнула голову, чтобы разглядеть онемевшую покупательницу.

– Мне... это... как это...

В голове колыхалась объемная пустота. Такого с ней еще не было. Растерянно поморгав, Юлька вздохнула, пытаясь собраться с мыслями. Но простенькое название, словно «лошадиная фамилия», безвозвратно улетучилось из ее головы и затерялось где-то на цветастых аптечных полках. Вспомнились самые невероятные названия, зацепившиеся за сознание то ли здесь, в аптеке, то ли дома во время просмотра рекламных роликов.

Если бы они лежали где-нибудь на витрине, то можно было бы просто ткнуть пальцем, и все проблемы разрешились бы сами собой. Но бахил на витрине не было. Более того, Юлька, безумно зля своей немотой топтавшуюся сзади очередь, никак не могла подобрать подходящие слова, чтобы начать объяснения.

– Немая, что ль? – сурово прошамкала кряхтевшая сзади старуха.

– Понавылезало вас, инвалидов, на нашу голову, – тут же поддержал ее злобствующий мужской тенорок.

– Да, – твякнула бабка, но мысль развить не успела, поскольку мужик бодро продолжил:

– Достали эти пенсионеры! В транспорт не войти, в магазине без очереди лезут, поликлиники все заполонили!

– Да не инвалидка она, а просто с приветом! – вернула

всех к теме молодая девица. – Гоните ее оттудова! Стоит, мычит, а люди торопятся!

– Сама с приветом, – обиделась Юлька. – Мне эти, резиновые, синие.

– Синих нет, – догадалась аптекарша. – Есть прозрачные, телесные и розовые. Есть с запахом, с пупырышками...

– С пупырышками, – эхом повторила Юлька. – А зачем? Чтобы не скользили?

– Ой, не могу! Ну, точно – убогая! – заржала девица.

– Девушка, – оживился мужик, ругавший пенсионеров, – подождите меня, не уходите, я вам потом сам все объясню.

– А этот за виагрой стоит, точно, – начал вторить разбитной девице не менее веселый парень.

– Девушка, вам какие?

– Нам все равно! – рассердилась Юлька. – Нам только на один раз поносить, так что без разницы.

– Зря вы так неэкономно, барышня. Можно постирать и по второму кругу, – заливался парень.

– Ничего, мне средства позволяют, я на следующий раз новые куплю, – огрызнулась Юлька.

– Сколько? – устало спросила аптекарша.

– Одну пару.

– Я щас умру, – гоготала девица, – она их парами берет!

– Для надежности! – подвизгивал парень. Похоже, они нашли друг друга.

– Зря смеетесь, – назидательно сообщил дядька, которого

заподозрили в покупке виагры. – По ГОСТу на них может быть порядка двух дырок, так что стопроцентной гарантии нет! Правильно девушка делает!

Аптекарша тем временем смотрела на хлопающую глазами покупательницу с возрастающим недоверием:

– В упаковках только по три! Или берите два по одному.

Юлька тихо закатила глаза и подумала, что день явно не заладился.

– По три, это как? Это для кого по три? Третий зачем? – терпеливо спросила она.

– Затем, зачем и второй! – Меланхоличная тетка за прилавком начинала медленно выходить из себя.

– Но ноги-то только две! – Юлька перестала что-либо понимать, а парень с девицей уже сложились пополам от хохота.

Аптекарша изогнулась и высунулась из своей стеклянной норы:

– А при чем здесь ноги?

– Не скажите, – размышлялся мужик. – Ноги здесь...

– А на что я их, по-вашему, надевать буду?

Теперь даже бабка начала мелко хихикать.

– А, так вы себе берете! – понимающе кивнула аптекарша.

– Бахилы! – внезапно вспомнила Юлька. Она радостно посмотрела на всех. Мгновение все молчали, после чего очередь вместе с фармацевтом грохнула так, что прохожие за окном начали останавливаться и удивленно вглядываться

сквозь стекло, пытаюсь обнаружить источник веселья.

Через пятнадцать минут Юлька снова влетела в уже ставший родным и знакомым холл и сразу направилась к гардеробу.

– Опять пришла? – равнодушно спросила бабка.

Юлька решила не вступать в диалог и молча улыбнулась.

Талон, за который она заплатила пятьдесят рублей, представлял собой неровно оторванный кусочек бумажки, на котором стояла надпись: «12 каб. Курко».

«Вряд ли там много народу, до вечера успею», – решила она и побежала по этажу. У нужного кабинета скучала невыносимая очередь. Разновозрастные женщины выглядели так, словно собрались здесь голодать в знак протеста и готовы провести перед белой дверью не одни сутки.

– Кто последний? – спросила Юлька, отчетливо понимая, что стоять здесь она не будет. Если дожидаться своей очереди, то можно опоздать не только в театр, но и на собственную свадьбу, которая состоится послезавтра.

– Вы по карте или как? – оживленно поинтересовалась полная женщина, сидевшая у самого входа, и уставилась на Юльку, нехорошо блестя глазами. Тетка была похожа на тигрицу, готовящуюся к прыжку. Остальная очередь тоже подбралась и не очень доброжелательно осматривала вновь прибывшую.

– По карте, – кивнула Юлька, не вникнув в суть местного

сленга. Для убедительности она потрясла карточкой, выданной ей в регистратуре в виде бонуса к оплаченному номерку.

– А, – сразу успокоилась тетка. – Это не карта, а карточка. Вон за блондинкой будешь, – и она ткнула малиновым ногтем в сторону миниатюрной блондиночки, приветливо улыбнувшейся Юльке белоснежными зубками.

– Кто по карте последний? – Высокая смуглая девушка, появившаяся из-за угла, обвела присутствующих строгим взглядом. Очередь угрюмо молчала.

– Надоели! – неожиданно взвизгнула ярко накрашенная девица. – Прут без очереди, не пущу! Сейчас я иду, полдня тут парюсь. Беременные через одного.

– Не ори! – не осталась в долгу беременная. – Иди, кто тебе мешает! Будешь выступать, в глаз получишь. Мне нервничать нельзя.

Юльке всегда казалось, что после таких слов как раз и должны начинаться драки, но крашенная неожиданно успокоилась, удовлетворенно привалившись к стене.

– После нее я пойду, – сообщила беременная, которой нельзя было нервничать, таким жутким голосом, что никто не посмел ей возразить.

Неопытная в таких делах Юлька, приняв молчаливую безысходность ситуации за доброе расположение окружающих к будущим матерям, неуверенно сообщила:

– А я тоже беременная.

– Да? – ожила худая рыжая тетка, сидевшая напротив. –

А карта у тебя есть?

– Я пришла на учет становиться, – гордо сообщила Юлька. Ей казалось, что все должны обрадоваться вместе с ней такому важному событию.

– Ну ни фига себе! – взвизгнула бабка, до этого мирно дремавшая, опираясь сморщенным личиком на трость с причудливо изогнутым набалдашником. – Может, я тоже беременная! Я же без очереди не лезу!

– Точно! – подала голос упитанная брюнетка, пошевелив коротенькими ножками в желтых пушистых тапках. – Со всем совесть потеряли. Я с работы отпросилась, а она тут из себя беременную строит!

– Молодежь совершенно обнаглела. В наше время такого разврата не было! – сурово провозгласила сухопарая мадам с профессорской внешностью.

– Да если она сейчас пролезет на учет вставать, она ж там на час, а то и больше застрянет. Гоните ее! – взвизгнула симпатичная шатенка, порываясь встать со своего места.

Продолжения Юлька дожидаться не стала. Она молча скачками рванула к выходу. Было жалко пятидесяти рублей, и терзало абсолютное непонимание происходящего: почему одной беременной никто не возразил, а ее чуть не побили.

«Неужели вся разница в размере живота? Глупость какая. Но до чего же народ стал злобный, – размышляла Юлька, торопливо покидая консультацию. – Ладно, не судьба. В следующий раз схожу».

На встречу с итальянцами она собиралась пойти в синем платье, подаренном родителями на Новый год. Оно казалось Юльке счастливым, потому что она была именно в этом платье, когда Сергей объяснился ей в любви.

Визит в консультацию, конечно, слегка подпортил ей настроение, но, посмотрев на себя в зеркало, Юлька повеселела. Наверняка итальянцы будут говорить ей комплименты, а Сергей будет гордиться. Если только, как обычно, она сама все не испортит.

Сергей радостно чмокнул ее в щеку, одобрительно прошелся взглядом по платью и сказал:

– Ты неотразима.

Они глухо стукнулись лбами, одновременно потянувшись к висевшей на вешалке дубленке.

– Юль... – Сергей растерянно посмотрел на нее. – Я помогу. Я всегда подаю женщинам верхнюю одежду. Понимаешь, так принято...

Она уловила только одно: были какие-то бабы, которым он подавал одежду. Настроение испортилось. Понятно, конечно, что до нее Сережа встречался с девушками, но думать об этом было крайне неприятно, поскольку богатая Юлькина фантазия дорисовывала картины их общения, с огромной скоростью развивая перспективу и утыкаясь в счастливую старость с неизвестной соперницей в окружении внуков.

Она молча подергалась, не попадая руками в рукава, и,

насупившись, обозрела себя в зеркале. Теперь она нравилась себе намного меньше. Тем более что платье нелепо торчало из-под дубленки. Кроме того, ее осенила еще одна свежая мысль. Обычно Юлька все тщательно планировала, делая скидку на различные неблагоприятные обстоятельства и человеческий фактор. В результате она всегда ждала от жизни самого худшего, и когда результат получался не столь удручающим, как в ее первоначальных планах, она искренне радовалась и временно ощущала себя счастливой. Гормоны беременности, носившиеся по ее организму и завязывавшие нити сознания и подсознания в узлы и бантики, начисто лишили ее этой похвальной привычки. Вот и теперь она с тоской поняла, что сейчас придется влезать в старые сапоги, имевшие самый что ни на есть омерзительный вид, а сменную обувь в виде туфелек брать с собой. Сергею точно будет за нее стыдно. Представив, как вся русско-итальянская делегация топчется вокруг нее в ожидании, пока Юлька сдерет с себя стоптанные сапожки с пятнами присохшего янтарного клея, которым она периодически закрепляла подметки, она моментально прониклась к себе острой жалостью, смешанной с презрением. Надо было не на альфонса Костика деньги тратить, а купить нормальную обувь.

Сергей уловил резкую перемену в ее настроении:

– Что-то не так?

– А что, тебя все устраивает?

Он удивленно посмотрел на раздраженную невесту:

– Поясни.

– Внимательней посмотри на меня, – вконец обозлилась Юлька.

Сергей послушно оглядел ее с ног до головы, словно циркулем шагая взглядом по ее фигуре. Решив, что он обязан что-то найти, будущий муж неуверенно промямлил:

– Живот чуть-чуть виден... Да?

– Где? – ужаснулась Юлька и опустила глаза. То место, где у нормальных женщин бывает живот, было просто плоским, а в раздетом виде радовало глаз впалым изгибом, как у голодающих детей Поволжья. – Ты что? Издеваешься? На одежду посмотри. Я похожа на бомжиху!

– Давай завтра купим тебе другую, – покладисто согласился будущий муж, абсолютно не понимавший, что именно ее не устраивает, но побоявшийся уточнять подробности.

– А как я сейчас в театр пойду? – Единственное, что она хотела услышать, это то, что его не волнует ее внешний вид, он любит ее прекрасную душу, чистые глаза...

– Ты можешь прятаться за мою спину, – выдал Сергей наиболее подходящий на его взгляд совет, тем более что он не понимал, какую именно часть она собиралась прятать. А Юлька лишний раз убедилась, что мужчины – существа с другой планеты, не понимающие намеков, подтекстов, а в некоторых случаях – и прямого текста. Даже если все разжевать и разложить по полочкам, это не дает гарантии, что ваш друг поймет вас правильно и не поступит по-своему.

– Тебе не будет за меня стыдно? – наконец выдохнула покрасневшая Юлька. Ей просто необходимо было обеспечить тылы и пути отхода. Если потом ситуация станет неконтролируемой, то всегда можно будет сослаться на то, что она предупреждала.

– Нет. Мы идем?

– Идем, – обреченно кивнула Юлька, словно ее вели не на «Жизель», а к стоматологу.

Итальянцы были брошены на Вадима. Он катался с ними по городу в микроавтобусе, тыкал пальцем в достопримечательности, сверяясь с путеводителем, и пытался подгадать со временем, чтобы приехать в театр не поздно, но и не рано. Вадим поминутно дергал водителя и спрашивал:

– Мы точно не опоздаем? В центре пробки.

– Не гони волну, Сергеич, – индифферентно отвечал водитель. – Когда я куда опаздывал?

Вадим мог долго и мстительно перечислять, когда и куда именно они опаздывали по вине водителя Коли, но решил не портить себе нервы столь неприятными воспоминаниями.

Как ни странно, к театру они прибыли вовремя, почти одновременно с Сергеем.

Итальянцев, от которых зависело материальное благополучие и дальнейшее процветание компании «Бриг» и всего бизнес-центра, их с Сергеем детища, было двое. Малочисленность делегации никак не влияла на ее финансовую

мощь. Главным в этом тандеме был Валериано. Он довольно сносно изъяснялся по-русски, всем и каждому по многу раз повторяя, что его мать была русская, он вырос на русских народных сказках, и вообще он обожает Россию, матрешек и водку. Упоминая водку, он подмигивал и многозначительно цокал языком. Вадим решил, что Валериано если не законченный алкоголик, то уж точно любит выпить, поэтому на вечер был запланирован ресторан. Валериано походил на одуванчик: его голову украшали белобрысые коротенькие кудряшки, из-под которых смешно торчали уши. Он таранился на мир круглыми голубыми глазами и был похож на ребенка, которого впервые привели в магазин игрушек. Он постоянно улыбался, размахивал руками и кидался к заинтересовавшим его русским диковинкам, сшибая все на своем пути. Вадим чрезвычайно устал от него и чувствовал себя мамашей на прогулке с хулиганистым сынком. Второй итальянец, Виктор, несмотря на, казалось бы, русское имя, по-русски не понимал ни слова, в связи с чем к нему приставили переводчицу.

Выбором спутниц для итальянцев заниматься начали за две недели до их приезда. Одной, безусловно, должна быть Нина, умопомрачительно красивая секретарша, коллекционировавшая мужиков, как энтомолог бабочек. Вонзив свои коготки в очередную жертву, она, как паук, высасывала из кавалера подарки, деньги и сыто отваливалась. Она переходила с работы на работу, меняя место службы, как только все

более-менее аппетитные индивиды на территории офиса пополняли ее пеструю коллекцию. Мужчин Ниночка считала низшим видом, поскольку абсолютно все покорной рысцой неслись за ее аппетитными ножками и прочими прелестями, исходя слюной. Единственной проблемой было то, что быстрая смена кавалеров иногда приводила к некоторой путанице. Чтобы ускорить процесс сбора урожая с наивных ухаженников, она постоянно меняла дату своего рождения, поэтому практически каждый день был для нее праздником. Проблему с именами она уже давно решила, называя всех своих кавалеров сусликами или хомячками. Но шефы с ее последнего места работы почему-то никак не среагировали на ее доступную красоту. Более того, красавец Вадим, явно падкий на дамский пол, прямо на глазах у всех закрутил роман с какой-то замухрышкой, на которую впоследствии положил глаз Сергей. Это было настолько дико и необъяснимо, что Нина, почувствовав себя уязвленной, решила во чтобы то ни стало добиться своего. Если уж не с этими двумя непонятными мужиками, которых потянуло на «постное», то хотя бы с кем-то не менее состоятельным в финансовом плане. И тут как раз подвернулись эти итальянцы. Ниночка страшно обрадовалась, но для порядка решила поломаться, когда Вадим, краснея и кусая губу, мялся перед ее столом, пытаясь облечь свое почти непристойное предложение в приличную форму. Суть его сводилась к тому, что Ниночка должна была понравиться гостям и максимально скрасить их пребывание

в России. Вадим ни в коем случае не имел в виду, что Нина должна скрашивать и их ночные часы: только легкий флирт и душевное расположение. Но ему и это казалось достаточно неприличным. Как объяснить девушке, что ее задача – строить глазки заморским компаньонам? Вадим не отличался особым красноречием, его сильной стороной был бизнес, стратегическое планирование и идеи, а вот с вербальными функциями была откровенная напряженка. Но Сергей категорически отказался объясняться с Ниной, поэтому выбора не оставалось.

– Нина, видите ли, к нам приедут инвесторы. Из Италии.

Секретарь вежливо кивнула, призывая продолжить выступление. С этой частью было ясно.

– Нам нужны сопровождающие. – Вадим запнулся, но Нина даже не пыталась ему помочь. – Мы с Сергеем Михайловичем решили, что вы лучше всех справитесь с этой задачей.

– Да-а? – непередаваемым тоном протянула Нина, подняв свои красиво выщипанные брови.

– Да, – выдавил Вадим и уставился на блестящие носки своих ботинок.

– И что я должна делать? – усмехнулась Нина, упиваясь его смущением.

– Ну... Ходить с ними везде, разговаривать. Сопровождать, в общем.

– Не поняла, – мстительно припечатала она и уставилась на него потрясающими изумрудными глазами.

Вадим некстати подумал, что раньше он не замечал, что у секретаря глаза такого изумительного цвета. К некоторым природа бывает очень щедра... Внезапно его осенило:

– Мы решили, что только вы сможете составить для наших гостей достойную культурную программу, ну и, соответственно, проследить за ее выполнением. Поэтому вы должны всегда быть рядом. Ваша работа будет дополнительно оплачена, – на всякий случай добавил Вадим, многозначительно выпучив глаза.

– Ну, и во сколько вы решили оценить амортизацию моего нежного тела? – нагло поинтересовалась Нина, выехав на стуле в проход и закинув ногу на ногу.

Вадим вздрогнул и отшатнулся. Он почувствовал себя начинающим сутенером и даже взмок от напряжения. Так далеко его мысли еще не заходили, хотя, возможно, подсознательно он предполагал подобное развитие событий. Он рассуждал так: итальянцы вполне взрослые, дееспособные мужики, если им понадобится девушка, то они смогут решить свои проблемы с помощью услужливой гостиничной администрации. Если же Нина, активно виснувшая на всех выгодных клиентах бизнес-центра, решит порезвиться, то это только к лучшему. Но платить ей он собирался вовсе не за это. Идеальные конечности невольно притягивали его взгляд и сбивали с мыслей.

– Э-э... Нина, вы меня неправильно поняли. Надеюсь, до... хм... амортизации дело не дойдет. Вы должны лишь

поддерживать разговор и быть рядом. Сами понимаете, в нашей самобытной и дикой стране с иностранцами может случиться все, что угодно.

Нина, уже чувствовавшая себя отмищенной, решила не мучить больше косноязычного шефа и расставила точки над «и»:

– Форма одежды днем – офисная, вечером – вечерняя, я правильно поняла?

– Да! – обрадовался Вадим переходу на менее скользкую тему.

– Вы оплачиваете мою экипировку, плюс премия, и я готова сопровождать ваших итальянцев куда угодно.

Вадим облегченно закивал головой. Он готов был оплатить все, но природная осторожность заставила его тактично поинтересоваться:

– А что вы называете экипировкой?

Почему-то ему представилась пачка пробитых талончиков за проезд в общественном транспорте, рюкзаки, крюки, фонарик и горнолыжные ботинки.

– Одежду, разумеется, – томно проворковала Нина, в мыслях уже роясь в ворохе тряпок, приобретенных на деньги фирмы.

– Вам нечего надеть? – изумился Вадим.

– Не будьте столь наивным. – Нина встала и оперлась на стол, аппетитная грудь едва не вывалилась из декольте, а попка в умопомрачительно короткой юбчонке игриво отто-

пырилась в сторону окна. Вадим сглотнул и непроизвольно попятился. – Я должна менять наряды, а то ваши итальянские партнеры подумают, что вы не в состоянии достойно оплачивать труд своих работников, которые, в свою очередь, не могут позволить себе покупку нормальной одежды.

– Может, я лучше выдам вам сумму под отчет? – испуганно спросил Вадим. Аппетиты секретарши поражали своей неумеренностью.

– И сколько? – хмыкнула Нина. – Вы уверены, что у вас хватит наличных?

Этот простой вопрос укрепил Вадима в мысли ограничить расходы избалованной Ниночки.

– Пятьсот долларов, и все! Пусть лучше партнеры про нас плохо думают, чем мы разоримся на вашем гардеробе, – решительно заявил он.

– Но это же только на туфли или на сумочку! – возмутилась Нина.

– Значит, вы не согласны? – подвел итог Вадим, обозленный наглостью секретарши.

– Согласна, – без особого энтузиазма ответила Нина. – Считайте это благотворительной акцией. Только глубокая симпатия к вам заставляет меня идти на уступки.

Она сграбастала купюры, выложенные на стол, и встала почти вплотную к Вадиму. Он напрягся и попытался принять безразличный вид. Рефлексы сработали самым возмутительным образом, а Ниночкина грудь, как торпеда упер-

шаяся в лацканы его пиджака, жгла взмокшего Вадима, словно ракетирский утюг.

Не вовремя вошедший Сергей замер в дверях. Вадим обрадовался и рванул к нему:

– Нина любезно согласилась нам помочь с гостями. Осталось только найти переводчицу, и все.

Нина капризно оттопырила губку:

– А что, без переводчицы нельзя?

– А вы говорите по-итальянски? – вопросом на вопрос ответил Сергей.

– Нет, – с сожалением протянула Нина, которая и английский-то знала на слабую троечку. Но будущее присутствие соперницы ее напрягло. Переводчица с итальянского могла составить конкуренцию при выборе подшефного итальянца. Это в Нинины планы не входило. Она привыкла быть в центре.

– Я сама найду вам переводчицу, – быстро отреагировала она.

– Ладно, – кивнул Сергей. – Я договорюсь с агентством, а вы проведете кастинг.

Повеселевшая Нина удовлетворенно кивнула. Ситуация снова была в ее руках.

Сергей позвонил одному из своих многочисленных деловых партнеров, выяснил, какое бюро переводов считается в городе самым лучшим и самым надежным, и долго ин-

структурировал любезную сотрудницу очастливленного заказом бюро, какой именно должна быть искомая переводчица. Следуя незамысловатой мужской логике, для итальянцев он попросил длинноногую блондинку.

– Обязательно, – подобострастно заверила его представительница бюро. – Огромное спасибо за звонок. Рады помочь и надеемся на плодотворное сотрудничество. В понедельник к одиннадцати ноль-ноль девушки будут у вас.

Сергей попрощался и с чувством выполненного долга занялся документами, предупредив Нину о времени нашего шествия длинноногих блондинок. Сотрудница бюро, положив трубку, посмотрела на пузатого Винни-Пуха, висевшего на изогнутой лампе, и осуждающе сообщила ему:

– Блондинок им всем подавай! С ногами! Те ноги, к которым прилагается знание иностранного языка, давно уже ушагали за рубежи родины.

Тяжело вздохнув, она скрестила под стулом короткие полные ножки и начала лениво возить компьютерной мышкой по коврику, изредка пощелкивая клавишами и сердито мотая головой. Подходящих блондинок не было, то есть была, конечно, пара девиц, но с английским. Решив, что самое правильное – предоставить выбор клиенту, она, недолго думая, обзвонила всех переводчиц от двадцати до сорока. Многие еще не закончили празднование Нового года, поэтому вытащить на встречу в понедельник удалось далеко не всех. Она грустно подумала, что в феврале опять придется набирать

людей, поскольку добрая половина сотрудниц просто не отвечала. Скорее всего, очередная партия девушек со знанием языка удачно устроила свою судьбу и больше у них не работает.

В понедельник за час до назначенного времени в офисе появилась странная дама неопределенного возраста, в растянутой шерстяной юбке и дурых сапогах. В руках у тетки был непонятный объемный тюк, скорее всего, это была верхняя одежда. Выглядела она как корабейница, предлагающая дешевый китайский товар. Нина напряглась:

– Как вы сюда попали?

– Охрана пропустила. Я переводчица с итальянского.

Нина округлила глаза и замерла. Она сама слышала, как Сергей разговаривал с агентством, и ждала хорошеньких соперниц. То, что всплыло в приемную, не было ни блондинкой, ни молодой, ни ногостой. Конечно, Нина была кровно заинтересована в неконкурентоспособности избранной девицы, но если подсунуть шефу такое, то можно лишиться не только премии, но и рабочего места. Особой тактичностью Ниночка не отличалась, считая, что надо беречь прежде всего свои собственные нервы и свое рабочее время, поэтому тут же сообщила пришедшей, что она, к сожалению, не подходит.

Тетка тоже оказалась не робкого десятка. Вместо того чтобы уйти, поникнув головой в лохматой меховой шапке, она доверительно прошептала:

– Зато я очень ответственная, и знание языка у меня исключительное. Я двадцать лет преподаю итальянский, меня скоро завкафедрой назначат.

– Это все замечательно, но нам нужна молодая девушка.

– Я молодая, мне чуть больше тридцати! – возмутилась визитерша, выглядевшая на все пятьдесят.

– Да? В таком случае получается, что преподавать на своей кафедре вы начали, еще не окончив школу! До свидания!

– Вы еще пожалеете, – обиделась тетка и ушла, оглушительно хлопнув дверью.

На этот пушечный выстрел из кабинета выглянул Сергей:

– Все в порядке?

– В абсолютном, – кивнула Нина. – Приходила переводчица. Вы уверены, что обратились в приличную фирму? Если все переводчицы будут такого качества, то отбирать будет не из кого!

– Нина, вы, главное, смотрите, чтобы кандидатка была молодая и интересная и язык знала. Как только появится что-то стоящее, посылайте ко мне. Я приму, даже если буду сильно занят. В крайнем случае, к Вадиму Сергеевичу.

– А как я должна язык проверять? Вы что?

– Это я так, – смешался шеф. – Раз из агентства, значит, должны знать. Вы только убедитесь как-нибудь, что они именно оттуда.

– Это как же?

– Не знаю, – рассердился Сергей. – Как-нибудь! Приду-

майте сами!

Проверить ничего не пришлось. Ей позвонили из бюро переводов и продиктовали список дам, прибывающих на собеседование. Обрадованная Ниночка побежала к охраннику и отдала список, произведя в холле фурор своей коротенькой юбочкой и дежурным декольте до пупа. Она могла бы вызвать охрану к себе или продиктовать фамилии по телефону, но Нине нравилось ловить на себе восхищенные взгляды. Повышенное внимание мужчин ее бодрило. Покрутившись в холле, она вернулась на рабочее место и приготовилась к бою. По гороскопу у нее сегодня был «день достижения цели», поэтому все должно получиться.

Следующей пришла крохотная блондинка. Худенькая, тощенькая, ростом метра полтора, не больше. Это была молодящаяся, но стремительно увядающая женщина, с усталым, тщательно накрашенным лицом и коротким ультрасовременным ежиком на голове. Она долго не решалась войти и скреблась в дверь до тех пор, пока Нина не встала, устав отвечать «войдите», и не распахнула дверь, едва не пришибив гостью.

Эту тоже брать было нельзя, поскольку она казалась более чем неконкурентоспособной. На всякий случай Нина взяла у женщины телефон, пообещав позвонить. Переводчица безропотно ушла, даже не попытавшись сообщить о своих скрытых достоинствах.

Следующей в приемную ввалилась шумная пышнотелая

девица, со здоровым деревенским румянцем во всю щеку и длинной смоляной косой. Прямо с порога она сообщила:

– Если надо, я волосы покрашу.

– Во-первых, здравствуйте, – холодно ответила на это Нина и пристально оглядела очередную претендентку.

Визитерша явно выросла в экологически чистой местности, пила молоко, ела большой деревянной ложкой сметану и пила чай из самовара, заедая сдобными плюшками. Больше всего Нине не понравился бюст. Он был на пару размеров больше ее собственного и возмутительно колыхался при каждом движении девицы, распирая изнутри пронзительно-зеленую турецкую водолазку, плотно облегающую здоровое мощное тело переводчицы. Она была хороша самобытной деревенской красотой и рождала в окружающих непреодолимое желание проверить мягкость аппетитного тела на ощупь. Девицу следовало немедленно удалить из поля зрения начальства. Итальянцы могли клюнуть на эту экзотику, как на матрешку, красную икру, ушанку или ремень со звездой.

– Оставьте свой номер, я обязательно с вами свяжусь, – торопливо сказала Нина и, взяв грудастую красотку под локоток, потащила к выходу, пока на голос претендентки не выглянул кто-нибудь из шефов.

Следующие четыре девицы с капризными модельными мордашками и фигурками были отмечены практически на входе. Им Нина безапелляционно сообщила, что в настоя-

щий момент требуется женщина в возрасте.

Достаточно неожиданным оказалось то, что некоторое количество основательно потрепанных личной жизнью и детьми теток считали себя привлекательными блондинками. Переубедить их не удавалось, поэтому Нина дежурно обещала всем перезвонить завтра.

В какой-то момент ее посетила нехорошая мысль, что поток претенденток может внезапно иссякнуть, но, выглянув в коридор, она убедилась, что запас еще есть.

Ближе к концу кастинга все едва не сорвал не вовремя пришедший Вадим.

– Ого, какой цветник, – пророкотал он, гордо вышагивая мимо привалившихся к стене ожидающих.

Одновременно с ним в кабинет вошла большеглазая девушка, почти девочка, похожая на олененка Бэмби. Она смущалась и робела под оценивающим взглядом суперменистого блондина. Вместо того чтобы уйти, Вадим уселся в мягкое уютное кресло и приготовился участвовать в собеседовании.

Чтобы протянуть время, Нина начала выяснять у девушки подробности биографии начиная едва ли не с детского сада. Одновременно она судорожно рыскала по Интернету, в поисках подходящей анкеты. Она распечатала первый попавшийся опросник и подсунула его густо краснеющей гостье.

– Вот, заполните, пожалуйста, – со змеиной улыбкой процедила Нина.

В приемной наступила тишина, нарушаемая лишь судоро-

рожными вздохами анкетизируемой и шуршанием ручки по бумаге.

Вадим заскучал и исчез в кабинете Сергея, подмигнув Нине и многозначительно скосив глаза на худенькую спинку претендентки.

Девушка была слишком юной и свежей, такую Нина тоже ни в коем случае не могла допустить до перспективных мужиков, поэтому, как только за Вадимом закрылась дверь, она выдернула у девчонки листок прямо из рук.

– Я еще не закончила, – испугалась та.

– Медленно пишете, – сурово пояснила Нина. – Давайте устно выясним более важные детали. Сколько вам лет?

– Уже восемнадцать, – заволновалась девочка. – В декабре исполнилось, мне можно работать! Вы не беспокойтесь, у меня и трудовая есть!

– Ну, трудовая ваша мне тут не нужна, – отрезала Нина, подумав, что уж такую соплю она точно не желает видеть рядом с ожидаемыми иностранцами. – Вы мне лучше вот что скажите: вы раньше с делегациями работали?

– Нет, – виновато прошептала девочка, но тут же добавила: – Я закончила итальянскую спецшколу и сейчас учусь на первом курсе. Я три года жила в Италии с родителями. У меня язык хороший, вы не подумайте...

– Вот! – Нина красиво оттопырила указательный пальчик, украшенный идеальным перламутровым ноготком и бриллиантовым колечком. – Вы языком по прямому назначению

умеете пользоваться?

Девочка с искренним непониманием уставилась на нее.

«То, что надо!» – удовлетворенно подумала Нина и продолжила выживание врага с подведомственной территории.

– Милочка, ну нельзя же быть такой тупой. Я русским языком спрашиваю, вы иностранцев сможете нормально обслужить?

– Я хорошо говорю по-итальянски, у меня сертификат...

– Барышня, что вы тут из себя строите? Вы в постели делегации обслуживали?

– Да что вы такое говорите! – вспыхнула девочка. – У нас приличная фирма...

– Да вы что, с луны свалились! – Нина с осуждением уставилась на нее, изобразив максимальную степень возмущения. – Кому нужна простая переводчица? Вы что, не понимаете, зачем мы симпатичную молодую девушку ищем?

– Ну как? – выглянул Вадим. – Мы с Сергеем Михайловичем готовы поучаствовать в собеседовании.

– Нет! – тоненько выкрикнула девица и, уронив стул, вихрем вымелась из кабинета.

– Что это с ней? – озадачился шеф.

– Похоже, она с приветом, – доверительно поведала ему Нина. – Я это сразу почувствовала. Но если она вам понравилась, могу вернуть, у нас телефон ее есть.

– Не надо, – испугался Вадим. – Вы знаете, давайте уж лучше сами. Я не буду вмешиваться.

Всего бюро прислало им семнадцать переводчиц. Эта гла-
застенькая была четырнадцатой. Получалось, что в коридо-
ре осталось всего трое. Нина напряглась. Надо было срочно
решаться.

Как только вошла следующая, коварная секретарша об-
легченно вздохнула. В точку! Худенькая, плоская, в очоч-
ках и мешковатом брючном костюме. Неопределенного цве-
та волосы зализаны в тугой пучок. Никакого маникюра, кос-
метики и украшений. Серая мышь. Шефам должна понра-
виться, учитывая их извращенный вкус и склонность к по-
добным безликим скромницам. Девица выглядела как сест-
ра-близнец невзрачнейшей невесты Сергея Михайловича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.